Билет на ковер-вертолет

Автор:
Дарья Донцова

Билет на ковер-вертолет

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #15

Чтобы написать захватывающий дух детектив, нужно расследовать преступление… Поэтому мне, Виоле Таракановой приходится бегать по городу в поисках криминальных историй. Но на этот раз «история» сама заявилась ко мне домой. Убита наша соседка Лиза Макаркина, на месте преступления взяли юную манекенщицу Аню Галкину. Весь двор жужжит точно улей – местные кумушки только и обсуждают, что любовные отношения Антона Макаркина с Аней. Поддавшись уговорам матери Галкиной, я взялась за расследование. И вытащила на бел свет такую запутанную историю, что впору покупать билет на ковер-вертолет…

Дарья Донцова

Билет на ковер-вертолет

Глава 1

Красота – это, конечно, страшная сила, но с годами она делается все страшней и страшней…

Сейчас почти все средства массовой информации взахлеб твердят о тяжелой мужской доле. А я наивно полагала, будто представители сильного пола оттого так и называются, что они – представители сильного пола. Думаю, основная мысль вам понятна. Впрочем, попытаюсь уточнить: мне ни за какие пряники не удастся свернуть двумя пальцами крышку на банке с горячо любимыми маринованными огурчиками, а мой супруг Куприн легко производит сие действие. Или другой пример: я лично не способна поднять сумки, в которые набиты картошка, морковь, капуста, пакеты крупы, бутылки с минеральной водой, яблоки, бананы… Затарившись на рынке, я машинально принимаюсь беспомощно оглядываться по сторонам в надежде обнаружить бойкого подростка, готового донести за небольшую мзду поклажу до машины, а Олег спокойно подхватывает разом торбы и, даже не вспотев, доставляет их домой. Да еще бурчит при этом:

– Лучше пешочком пробежаться, тут расстояние – всего ничего, а пройтись по свежему воздуху приятно.

Кроме того, Олег крайне быстро передвигает мебель и без особого труда способен вытащить, а потом выбить во дворе здоровущий ковер. В общем, он намного сильнее меня, потому-то я и причислила его к сильному полу.

Но сегодня я, внимательно изучив глянцевые журналы, узнала, что на самом деле мужчины слабые, нервные, беспомощные существа. И живут они на свете намного меньше женщин. Вообще-то мне и раньше был известен данный печальный факт, но я считала, что парни просто много спиртного пьют, заедая его острой и жирной пищей, и мало двигаются – отсюда лишний вес, высокое давление, сердечные заболевания и ранняя смерть. Ан нет! Авторы статей писали иное. Оказывается, у наших мужей отсутствуют некие гормоны в крови, поэтому после тридцатипятилетия они раздаются в боках, а каждый лишний сантиметр на талии отнимает десять лет жизни.

Дочитав до этого места, я испугалась, вскочила с кровати и ринулась на кухню, где мирно пил чай Олег. Окинув взглядом стол, я, в придачу к страху, начала испытывать и раздражение. Ну вот, опять супруг лопает бутерброды с ветчиной, сандвичи с маслом и сыром и запивает крайне неполезную пищу сладким до приторности чаем.

– Ты зачем положил в чашку варенье? – налетела я на Олега. – Просто безобразие!

Куприн вздрогнул, и чай выплеснулся через край чашки.

– Ага, – заворчал муж, глядя на расплывающееся на скатерти темное пятно, – теперь я буду обвинен в неаккуратности. Но если разобраться по сути…

– Плевать на пятна! – воскликнула я. – Хотя, конечно, отметину не отстирать… Речь идет о твоем здоровье! Опять наедаешься неправильной пищей!

– Чем мои бутерброды плохи? – начал отбиваться муж.

– Холестериновые бомбы! Надо переключиться на салаты, только без заправки, на зелень, овощи, орехи…

– Ты перепутала меня с кроликом, – хмыкнул супруг. – Или с белкой.

– Перестань ерничать! Вот умрешь от ожирения, тогда поймешь, кто был прав, – заявила я и шлепнула перед Олегом журнал. – Почитай! Тут все сказано! Глянь на таблицу соответствия роста и веса – тебе весы должны показывать число «восемьдесят»!

Олег посмотрел не на таблицу, а на обложку.

– «Дамское счастье». О! Это, конечно, очень авторитетный и высокоинтеллектуальный журнал, в котором работают сплошь академики и доктора наук… Извини, Вилка, но не собираюсь ломать свои привычки из-за очередной глупости, которая вышла из-под пера твоих коллег.

– При чем тут я?

– Кто у нас был журналисткой, а?

– И что? – обозлилась я. – Никакого отношения не имею к журналу «Дамское счастье».

Олег запихнул в рот трехэтажное сооружение из хлеба, масла и ветчины, мирно прожевал огромный кусок и очень спокойно ответил:

– Я раздражаю тебя фактом своего присутствия в квартире. Сижу…

– Глупости! Просто я забочусь о здоровье мужа!

– …никому не мешаю, а ты злишься…

– Вовсе нет! Пытаюсь объяснить принципы здорового питания. Для твоего же блага!

– …потому что никак не можешь заставить себя сесть за новую книгу. В голове пусто, никаких сюжетов… – без особых эмоций бубнил Куприн. – Вылетела наша писательница из кабинета, а тут бедный муж под руку попался, ну и давай она его пинать…

Я замерла с открытым ртом. Нет, какая ложь! В понедельник сдала очередную книгу и теперь имею честно заработанную неделю отдыха. Правда, совсем бездельем эту семидневку назвать нельзя, потому что съемки сериала по моим детективам в самом разгаре: уже состоялась презентация первого фильма, и процесс идет дальше. Никаких долгов перед издательством у писательницы Арины Виоловой (это мой псевдоним, на самом деле меня зовут Виола Тараканова) нет. Более того, я начала новую книгу и даже нацарапала десять страниц. В общем, ясно: Куприн, как все мужчины, не способен критически оценить себя, считает, что прекрасен до невозможности, а мою заботу воспринимает не с благодарностью, а с раздражением, считая ее за вздорность, истеричность и желание поцапаться. Нет, мужчины просто невозможные идиоты!

– О каком ожирении может идти речь? – вещал тем временем муж. – Я в идеальной форме, великолепно выгляжу, совершенно не толст…

– Объем твоей талии сто двадцать сантиметров!

– И что? Судя по статье в журнале, я уже пять лет должен быть покойником, но живу себе счастливо! Кажущаяся объемность фигуры происходит от мышечной массы.

– Так твоя мышечная масса существует на самом деле или она тоже кажущаяся? – не вытерпела я.

Олег залпом допил чай.

– Ладно, пойду на работу.

– Ты хотел весь день сидеть дома!

– Нет уж, спасибо. Лучше на службе.

– Очень здорово! Мы же собирались сходить в магазин…

– Тебе надо, ты и топай!

Мирная беседа о правильном образе жизни начала стихийно перерастать в скандал.

– Необходимо принести картошку, – уперлась я, – и капусту! Томочка хотела сама ее посолить.

Олег, не говоря ни слова, вышел из кухни, я топнула ногой, а потом понеслась за мужем. Сейчас объясню ему всю пагубность подобного поведения. Наивная жена из лучших побуждений попыталась наставить неразумного супруга, скорую жертву ожирения, на путь истинный, принялась растолковывать азы диеты… Другой бы мигом отшвырнул ненормально калорийный сандвич и с глубокой благодарностью воскликнул: «Спасибо, милая! Прямо сейчас изучу журнал и сделаю необходимые выводы!»

А что вышло? Я, оказывается, вредная истеричка, угнетающая несчастного Куприна, затюкала супруга до такой степени, что он готов променять мирный выходной на трудовой день. Пылая желанием вразумить мужа, я внеслась в нашу спальню и воскликнула:

– Послушай!

– Только не начинай, – скривился Олег, спешно застегивая брюки. – Я уже почти ушел, не стану тебя больше раздражать.

– Но…

– Хватит!

– Я…

– Вместо того чтобы травить меня, – нервно воскликнул супруг, – глянь лучше на себя. Да, да, подойди к зеркалу и полюбуйся!

Я машинально приблизилась к трюмо.

– Что-то не так? Мой вес не меняется с десятого класса.

Куприн усмехнулся:

– В отношении количества килограммов согласен. Только тебе, наоборот, следует потолстеть!

– Зачем?

Куприн замялся, потом вздохнул и сообщил:

– Извини, конечно, ей-богу, не хочу обидеть, но должен же кто-то сказать тебе правду…

– Какую? – насторожилась я.

Олег одернул свитер.

– Стройность хороша у юной девушки.

– Ты о чем?

– Если женщине за тридцать и она легко влезает в спичечный коробок, то…

– Что?

– У нее на лице появляются морщины, мигом выдающие возраст! – рявкнул муж. – Со спины девочка, с мордочки бабушка! Конечно, с возрастом мы все не становимся моложе, и я готов спокойно жить рядом с женой, которая потеряла девичий вид. Извини, Вилка, ты первая завела разговор о диете. Я всего лишь защищался, поэтому и посмел сказать тебе… Одним словом, не всегда полнейшее отсутствие жира – радость! Кости черепа, обтянутые кожей, не лучшее зрелище!

Закончив выступление, Куприн мгновенно выскользнул из спальни. Я осталась одна и в крайней озабоченности приблизилась к зеркалу.

Так, от уголков глаз к вискам бегут мелкие лучики, по лбу змеятся линии, от носа ко рту стекают складки. Хотя… в принципе не катастрофа… И тут мой взор, оторвавшись от собственного отражения, упал на обложку книги, лежащей на письменном столе. С фотографии, расположенной в левом углу, бодро улыбалась Арина Виолова. Снимок был сделан полгода тому назад, и сейчас я поняла, насколько изменилась за прошедшие шесть месяцев. У почти модной писательницы на портрете не имелось ни малейших возрастных отметин – ни «гусиных лапок», ни противных мимических морщин, ни обозначившихся носогубных складок, а в зеркале… Неужели Олег прав? И что теперь делать? Толстеть?

В самом мрачном настроении я побрела на кухню и уставилась на недоеденный завтрак Куприна. Кто сказал, что белый хлеб с маслом и сыром враг человечества номер один? Знают ли врачи на самом деле правду о здоровом питании? И сколько раз медиков бросало из стороны в сторону? Далеко за примером ходить не надо. В девятнадцатом веке опиум считался замечательным обезболивающим средством, и его ничтоже сумняшеся прописывали всем: старикам, детям, беременным женщинам. Теперь же это средство именуют наркотиком и используют лишь в крайнем случае, а может, и не применяют вовсе, точно не знаю. Да что там опиум – возьмем простой сахар! То его объявляют панацеей, велят капать на кусок рафинада сердечные капли, чтобы лекарство лучше усваивалось; потом хватаются за голову, изгоняют «белую смерть» из рациона, рекомендуют класть в чай и кофе всяческие заменители; следом узнают, что ксилит и сорбит намного хуже натурального продукта из

тростника или свеклы… А соль? Кстати, ее тоже называли «белой смертью», а сейчас употребляют вовсю, и те же медики кричат о крайней полезности той, что добыта в море. Или давайте вспомним несчастные куриные яйца. «Не смейте их есть! – останавливали нас врачи. – В желтке ужасное вещество – холестерин!» Но, оказывается, он бывает разный – полезный и вредный, и из первого в основном состоит мозг человека. Так что с каждым слопанным яичком нам прибывает ума! Может, я оттого вечно опаздываю сдать рукописи, что отказываю себе в омлете, а? Интересно, какие песни запоют диетологи лет этак через сто?

Я повернула голову, увидела свое отражение в стекле серванта и вздрогнула. Нет, Олег прав. Красота – это страшная сила, а с возрастом она становится все страшней! Процесс пошел, часы тикают, через год превращусь в мумию, жуткую, высохшую… Что же делать?

Пальцы схватили брошенный Куприным бутерброд. Наверное, следует лопать через силу разные продукты: кашу, макароны, жареную картошку, сало, взбитые сливки… Потолстею – и складки разгладятся, это же элементарно: кожа натянется, и всех делов-то. Но тогда в придачу к гладенькому личику я получу задницу сто семьдесят второго размера. А я никогда не была толстой и, если честно, совсем не хочу весить больше центнера. Ведь если поправлюсь, мне тогда придется, в случае поломки машины, идти к метро в обход, а так я легко пролезаю в щель между прутьями забора, который преграждает короткую дорогу к ближайшей станции. Так как поступить? Должен же быть выход из ужасного положения…

И тут меня осенило – Лиза Макаркина! Помнится, два года назад я, встретившись с ней, отметила, что Лизавета плохо выглядит, и она на самом деле смотрелась не лучшим образом. Но позавчера случайно столкнулась с соседкой во дворе и удивилась: Лизочка свежа, словно бутон.

Я швырнула на тарелку так и не съеденный кусок хлеба и рванула к лифту. Наверное, не слишком вежливо врываться к соседке без приглашения в воскресенье, но большинство женщин сейчас меня поймет.

Лиза открыла дверь и, увидав меня, сначала широко зевнула, потом мирно сказала:

– Если пришла к Антону, то его нет и…

Тут только я вспомнила, что супруг Макаркиной врач, мануальный терапевт, и Елизавете небось до смерти надоели соседи, прибегающие с жалобами на боль в спине. Большинство людей бесцеремонно считает, что доктор, обитающий за стеной, обязан помогать им, невзирая на поздний или ранний час, в любое время, в выходные и праздничные дни, причем бесплатно, так сказать, по-соседски.

– Антон будет совсем поздно, – закончила Лиза.

– Мне, извини, надо с тобой пошушукаться, – заблеяла я, – об одном деликатном деле.

Лиза уперла правую руку в бок.

– Сейчас дам адрес клиники, где классно делают аборты. Обезболивание и доктор хороший. Если на раннем сроке, то…

– Нет, нет, речь не об этом, – зашептала я, нервно оглядываясь по сторонам. – Дело более серьезное.

В глазах Лизы вспыхнуло любопытство.

– Давай заходи!

До сегодняшнего утра я ни разу не бывала у Макаркиных и сейчас оказалась поражена интерьером. В гостиной, куда провела меня Лиза, практически отсутствовало свободное пространство. Мебель тут стояла, что называется, богатая – щедро украшенная позолотой. Попадая иногда в магазины, торгующие предметами обстановки, я порой искренно удивлялась, кто же покупает эту жуткую «красотищу»: зеркала в аляповатых, псевдобронзовых рамах, комодики на «паучьих лапах», щедро расписанные картинами под старину, столы, у которых вместо ножек ненормально тучные ангелочки или громадные фигуры собак с табличкой «Welcome» на шеях. И вот теперь узнала ответ на вопрос: Лиза Макаркина. В ее гостиной присутствовал весь вышеперечисленный мебельный набор вкупе с метровым далматинцем, выполненным из фаянса, а на

стенах теснились картины. Но я не стала рассматривать «живопись», сразу приступила к беседе.

Выслушав мои стоны по поводу резко ухудшившегося внешнего вида, Лиза вдруг засмеялась, потом сказала:

– Ладно, думаю, помогу. А ты вообще чем пользуешься?

– В смысле?

– Ну, там, крем, маска, гель для умывания…

– Ничем особым, – пожала я плечами. – Мыло, вода, а если кожу стянет, беру детский крем.

– Ох и дура же ты! – всплеснула руками Лиза. – Кто же мылом моется?

– А чем надо? – растерялась я.

– Пошли! – велела Макаркина.

Ванная комната у Лизы оказалась забита таким количеством парфюмерии и косметики, что у меня зарябило в глазах. А еще через десять минут у меня заболела голова – запомнить всю кучу вываленной Макаркиной на меня информации оказалось попросту невозможным. Видно, на лице нежданной гостьи отразилась беспомощность, потому что Лиза вдруг прервала плавную речь и, схватив со столика довольно большую банку, велела:

– Вот, запомни хоть одну вещь – как выглядит коробочка. Этот крем делают во Франции. Стоит он, конечно, дорого, но эффект потрясающий!

– И где такую берут? – оживилась я.

– У метро торговый центр знаешь?

– Конечно.

– Там есть магазин «Она».

– Поняла.

– Проконсультируешься у продавцов.

– Все, спасибо, побежала! – ажиотированно воскликнула я.

– Давай, – улыбнулась Лиза. – И помни: о себе, любимой, надо заботиться. А то некоторые бабы стирают, убирают, готовят, детей в школу таскают, по рынкам носятся, мужа обслуживают, а мужик потом бенц – и к другой уходит. А причина одна: нечего в мочалку превращаться. Я вот, если перед выбором встану: в парикмахерскую пойти или суп сварить, всегда салон выбираю, оттого у нас с Антоном вечный медовый месяц. Сообразила?

– Ага, – с энтузиазмом кивнула я. Мне понравилась подобная жизненная позиция: намного приятнее сидеть в кресле с журналом в руке, когда вокруг тебя суетятся, наводя красоту, чем тупо резать овощи, в особенности лук.

– Ах ты, черт! – воскликнула Лиза около входной двери.

– Что случилось? – насторожилась я.

– Да у нас ключ в замочной скважине плохо держится, захлопнешь створку, а он выпадает… Сейчас, подожди…

Лиза опустилась на корточки и принялась ощупывать коврик.

– Вот зараза! – констатировала она спустя несколько минут. – Словно испарился!

– А он был? – спросила я.

– Естественно, – кивнула Лиза. – Как только прихожу домой, моментально ключ в скважину изнутри всовываю и замок запираю. Мало ли что… У нас с Антошей много ценных вещей. Вчера я статуэтку в торговом центре купила, за две тысячи рублей. Проследить за покупательницей, которая большие деньги выложила, нетрудно: проводят до дома, приметят квартиру да еще ограбят… Я это

понимаю и всегда крайне аккуратна. И куда, скажи на милость, делся ключ?

– Но сегодня ты сидела дома?

– Вообще-то собиралась сегодня с одним человеком поболтать, да не вышло, накрылась моя встреча, – усмехнулась Лиза. – Вот деятель! Договорились о встрече, а он не явился. Зря только рано вставала и к метро ходила.

– Может, вчера потеряла ключ и не заметила?

– Ага, а как же я сегодня, вернувшись, домой попала и тебе сейчас открыла? Ты вошла, я створкой хлопнула… Не помнишь, запирала я ее потом или нет?

– Не обратила внимания.

– И у меня из башки выпало.

– А ты подергай дверь, – предложила я, – сразу станет понятно.

Лиза понажимала на ручку. Дверь не шелохнулась.

– Ага, – с удовлетворением констатировала Макаркина, – что я говорила! Машинально аккуратность проявляю, на автомате. Значит, выпал он, как всегда.

– Давай искать скорей, а то мне не выйти!

– Антон придет, откроет снаружи и выпустит, – засмеялась Лиза, шаря ладонями по плиткам пола.

– А когда твой муж явится?

– Сказала же – поздно. У него работа сдельная: как потопает, так и полопает.

– Разве Антон не врач? – удивилась я.

– Он же массаж делает, – пояснила Лиза. – Ты, похоже, одна во всем доме осталась, кто не в курсе. Спину вправляет, шею, с артритом борется. Работы выше крыши, а чем больше больных, тем выше заработок.

Я кивнула. Сама одно время зависела от частных уроков – репетиторствовала, и сумма гонорара была напрямую связана с числом двоечников, в головы которых госпожа Тараканова пыталась втиснуть необходимые знания.

Глава 2

– Вот беда-то… – пригорюнилась я. – Как же мне выйти?

– Ерунда! – отмахнулась Лиза. – Сейчас найдем. Давай консоль отодвинем, может, туда улетел? В конце концов, звякну Тоше на мобильный, приедет и вызволит тебя. Хотя, конечно, он обозлится. Больные-то по времени записаны, а среди них капризных полно. Одна Света Олейкина чего стоит. Такая зараза! Молодая, двадцати нет, а вредная. Моделью всего ничего служит, зато крутизны немерено.

– Неужели у молодой девушки болит спина? – удивилась я.

Лиза усмехнулась:

– У Антона подавляющее число «калек» – юные девицы. Мышц нет, морят себя голодом, спортом не занимаются – на чем позвоночнику держаться? Все логично.

– Хорошо, что мой Олег не мануальный терапевт, – покачала я головой.

Лиза прищурилась:

– Считаешь ремесло массажиста не пафосным? Ну-ну, как прихватит спину, приползешь ночью помощи просить, припомню тебе…

– Нет, вовсе не то имела в виду, – улыбнулась я. – Видишь ли, стыдно признаться, ревнива я до невероятности. А если бы у мужа имелись клиентки-модели, да еще голые… Массаж-то через пальто не делают. Ох, боюсь, я бы не вытерпела и устроила супругу скандал.

Лиза рассмеялась:

– Твой-то, насколько помню, мент?

– Верно.

– И что, у него в кабинете бабы не оказываются?

– Конечно, бывают. И преступницы, и свидетельницы. Только это же работа. Кстати, Олег не имеет права затевать шашни с дамами, нарушившими закон!

– Кабы мужики всегда подчинялись инструкциям… – скривилась Лиза.

– Олег сам не захочет иметь дело с криминальными элементами, – попыталась я растолковать Лизе суть вопроса. – Эти дамочки, даже если они и очень красивые, – рабочий материал.

– Во, – кивнула Лиза, – и для моего так. Хоть модель, хоть Мисс мира, Антон в первую очередь кривую спину увидит. Для него единственная любимая – родная жена!

Последнюю фразу Лиза сказала с такой спокойной уверенностью, что я позавидовала соседке. Похоже, у них с Антоном замечательные отношения. Ну почему мы с Олегом без конца пытаемся выяснить, кто в доме хозяин, а? Может, мне стоит отдать Куприну пальму первенства, и все?

– Хотя, конечно, случаются такие экземпляры! – воскликнула Лиза, поднимаясь на ноги. – Аня Галкина, например. Такое про нее вчера узнала… До сих пор колотит, успокоиться не могу! Знаешь ее?

– Нет, – ответила я.

– Да видела ты ее сто раз, – махнула рукой Лиза. – Из первой квартиры, к ним вход прямо у лифта, очень неудобно. Ну, припоминаешь? Галкины! Мать Ирина и дочка Анька!

– Это те, которые к нам пару лет назад въехали? – осенило меня. – Мама и такая смешная девочка – голенастая, длинношеяя, плечи квадратные, нелепая. Типичный гадкий утенок.

– Угу, утенок, – буркнула Лиза. – Только это когда было!

– Да, я давно не встречала Аню.

– Ну так теперь ты ее просто не узнаешь, – сердито отозвалась Лиза. – Вырос утеночек, заневестился, Анька у нас модель. Так, прикинь, она в Антона втюрилась. Мой муж сначала ей спину вправлял, у «вешалок» позвоночник – больное место. Антон классный специалист, руки у него волшебные, характер мягкий, да еще он с клиентом постоянно разговаривает, нечто вроде психотерапевтического сеанса устраивает. И такое в него народ «сливает», ну прямо чума! Анька ему сначала пожаловалась, что никакой личной жизни не имеет, и Антон ей посочувствовал, дескать, встретишь еще хорошего парня, ты красивая, молодая, в общем, замечательная невеста…

Антон произнес дежурные слова, машинальные комплименты, которые на автопилоте отпускают бабам хорошо воспитанные мужчины, но Анечка – молодая да глупенькая – восприняла ничего не значащие любезности всерьез и сделала совершенно неправильный вывод: она нравится доктору.

Анечка стала ежедневно вызывать к себе Макаркина под самыми разными предлогами. То у манекенщицы внезапно «хватало» поясницу, то скрючивало шею… В конце концов девушка бросилась к массажисту на грудь и воскликнула:

– Милый, я вся твоя!

Антон не в первый раз оказывался в подобной ситуации и реагировал стандартно. Спокойно улыбнулся и ответил:

– Анечка, ты замечательная, красивая девочка, зачем тебе старый дедушка?

– Ты молодой! – закричала дурочка.

– Я намного тебя старше, – напомнил врач.

Но последний аргумент никак не подействовал на влюбленную модель.

– Подумаешь! – заявила она. – Позавчера моя подружка Катька Стоянова вышла замуж, так ее жениху полтинник стукнул.

– Я женат, – решил напомнить Антон, – ты ведь хорошо знаешь мою супругу.

– Жена не голова, – заявила Аня, – с плеч сбросить можно.

Антон быстро завершил сеанс массажа и, уходя, сказал:

– Деточка, я больше не могу к тебе приходить.

– Почему? – возмутилась Аня.

– Уезжаю.

– Куда? – налетела на массажиста манекенщица.

– С нашими спортсменами в Америку, – лихо соврал Антон, – на соревнования.

– Но ты же вернешься!

– Очень не скоро, – живо пообещал Макаркин.

– Я подожду, – кивнула Галкина, – как Пенелопа!

Антон вздрогнул и ушел. Живи Макаркин не в одном доме с Галкиной, он бы легко сумел избавиться от обременительного контакта, но как избежать встреч с соседкой, да еще живущей в квартире у лифта на первом этаже…

– Совсем девчонка сдурела! – покачала головой Лиза. – Жаль, что я до вчерашнего дня ничего не знала и с ней продолжала по-соседски общаться. А Анька, представь, врала про меня соседям чего ни попадя: и будто силикон я себе вставила везде, и пластическую операцию сделала, и волосы нарастила, и к какой-то колдунье хожу, привороты-отвороты делаю. Народ в основном над ней смеялся, но ведь и над нами тоже потешаются! И вот еще какой случай недавно, оказывается, был. Антон домой в тот день рано возвращался, около семи. Погода сейчас, несмотря на осень, хорошая, теплая, все жильцы во двор высыпали…

Макаркин спокойно вылез из машины, двинулся к подъезду, и тут Галкина распахнула окно.

– Дорогой! – заорала она так громко, что все, кто был возле дома, повернули в ее сторону голову. – Я дома, заходи скорей!

Антон, вжав голову в плечи, почти побежал к подъезду.

– Сейчас у лифта встречу, – пообещала очумелая девица и захлопнула окно.

Макаркин остановился, потом развернулся, кинулся опять к машине, вскочил в нее и был таков. Спустя пару мгновений после его спешной эвакуации Аня, в одном коротеньком халатике, выбежала во двор и принялась оглядываться. Сидевшие на лавочке бабы поджали губы. Красивые, стройные ноги Галкиной и ее почти не прикрытая грудь не вызвали у теток никакого восторга, зато мужчины оживились чрезвычайно.

– Слышь, Анюта, – крикнул Павел Марков из пятнадцатой квартиры, – за фигом тебе Антон сдался? Я не пригожусь?

Парни загоготали, а невеста Маркова, Люба, зло прошипела:

– Это как себя не уважать надо, чтобы на глазах у всего двора, голой, за чужим мужем бежать!

– Замолчите! – топнула ногой Аня. – Что хочу, то и делаю!

– Во, – покачала головой Люба, – явный пример сумасшествия.

– Аня, Антон Макаркин женат, – назидательно сообщила главная местная сплетница Вера Данильченко, – неприлично гоняться за несвободным мужчиной. И потом, он тебе в отцы годится!

Аня залилась краской, уперла кулаки в тонкую талию и завизжала почти в диапазоне ультразвука:

– Не твое собачье дело! Делай свои замечания соплякам, а ко мне не лезь! Женат, не женат, какая мне разница… Заткнись, убогая!

– Эх, ко мне бы такая цыпочка рвалась… – причмокнул губами Павел Марков.

Люба сердито глянула на некстати развеселившегося жениха, а потом рявкнула:

– Ты, Анька, халат-то запахни! Ни на кого твои прелести тут не действуют. Похоже, Макаркин не слишком впечатлился, когда твою спину щупал, он предпочел тебе, моделке, свою Лизку.

– Чтоб вас всех разорвало! – звенящим, словно натянутая струна, голосом ответила Аня. – Дуры вы! Не о чем с вами беседовать!..

Лиза замолчала, потом спросила:

– Ты когда-нибудь про подобных хамок слышала? Эх, жаль я раньше про ее выкрутасы не знала, только вчера в курсе дела оказалась…

– Может, у Галкиной шизофрения? – предположила я.

– Да просто ее мамочка так воспитала, – сердито отозвалась Лиза. – Избаловала, вот теперь доченька и бесится, раз не удается новую игрушку получить. Из-за нее обо мне весь двор шушукается, а я ни сном ни духом ни о чем не знала. Еще денег Аньке в долг давала, по магазинам вместе с ней шлялась. Мне-то она улыбалась, а за спиной… Ой, ну не дура ли я! Ключ-то небось сюда пихнула!

Продолжая тараторить, Макаркина дернула верхний ящик комодика, примыкавшего к зеркалу, но тот не открылся.

– Вот черт, – бормотнула Лиза сквозь зубы, – снова заело, надо пазы свечкой потереть…

– Помогает? – удивилась я.

– А ты не знала? Если ящик не двигается, свечка первое средство, – пояснила Лиза, изо всех сил борясь с мебелью.

Наконец хозяйке удалось победить – ящик выехал…

Я вздрогнула. Поверх кучи барахла лежал пистолет, большой, черный. Отчего-то сразу стало понятно: это не муляж, не «пукалка» с пистонами, а настоящее боевое оружие.

– Зачем тебе пистолет? – воскликнула я.

– Он не мой, – абсолютно спокойно пояснила Лиза. – Антон приобрел. У него пациент есть – большой армейский чин, вот он и поспособствовал: помог разрешение получить, подсказал, какая марка лучше.

Я поежилась.

– Если на стене висит ружье, оно обязательно должно выстрелить.

Лиза, роясь в ящике, пожала плечами:

– Антону порой приходится ночью по пустынным местам ходить. По вторникам, например, он к Балабиновым ездит. Те в деревне живут, под Москвой. Дом у них шикарный, но стоит на отшибе, дороги до двери нет, приходится машину у магазина бросать и лесочком метров триста идти. Знаешь, около полуночи стремно без оружия в подобном месте находиться. Или в четверг у Антона визит к Стрельниковой, а та на краю Москвы живет, в подъезде бомжатник. Так что пистолет для него не лишний. Правда, Тоша его не всегда с собой прихватывает, вот и сегодня не взял, потому что по воскресеньям он к клиентам в коттеджные поселки катается, а там охрана и все такое. О, вот он, ключик! Я его машинально в ящик сунула!

Поблагодарив Лизу за краткий курс косметологии, я побежала домой. Выпила кофе, переоделась, почистила картошку на ужин, прихватила кошелек и поехала на лифте вниз. Если серия кремов, о которых мне говорила Лиза, так хорошо борется с морщинами, то сейчас не пожалею денег и куплю все средства.

В кабине отвратительно пахло, и я старалась не дышать. Вот странность, в нашем доме живут приличные люди, у всех хорошие машины, маргиналов и бомжей в здании нет, алкоголиков, впрочем, тоже. Порой, конечно, я встречаю кое-кого из соседей в легком подпитии, но в луже во дворе никто не валяется. И дети у всех вроде нормальные, вежливо здороваются со старшими. Так кто же воспринимает кабину как передвижной туалет и чья рука поджигает в ней пластиковые кнопки? Ей-богу, не на кого подумать, но лично для меня пользование нашим лифтом – просто моральный Чернобыль.

Наконец кабина вздрогнула и остановилась, двери разошлись в стороны, я хотела выйти, но не успела. В крохотное пространство вихрем ворвалась длинноногая девица в угрожающе коротком платье. Запах слишком терпких духов наполнил лифт, и по непонятной причине в нем совсем уж отвратительно завоняло. Вот странность, девушка явно облилась очень хорошим парфюмом, но меня просто затошнило от его густого аромата.

Совершенно не смущаясь, незнакомка ткнула длинным ногтем в кнопку. Двери лифта начали медленно съезжаться. Я тут же нажала на красную пупочку, и створки стали расходиться.

– Эй! – взвизгнула вошедшая. – Ты че? Мне наверх надо!

– Я не успела выйти, только-только приехала на первый этаж.

– И че?

– Вы вошли внутрь.

– Мне надо наверх.

– А я хочу выйти.

– И че?

– Подвиньтесь, пожалуйста.

– Мне надо наверх.

– Я хочу выйти.

– И че? Мне надо наверх.

Сообразив, что разговор становится совсем уж бессмысленным, я попыталась протиснуться вперед, и тут наглая девица ущипнула меня за бок.

– Эй ты, старая калоша! Поосторожней, – заголосила она, – на туфлю наступила! Если испортила мысок, купишь мне новые!

Пораженная удивительным хамством юной особы, я, не вступая больше в разговор, продолжала протискиваться к выходу. Когда мои ноги оказались наконец на лестничной площадке, я вдруг ощутила резкий тычок в спину, пошатнулась и шлепнулась на четвереньки.

– Сука! – рявкнула незнакомка. – Будешь знать, как людям обувь портить!

Двери захлопнулись, кабина поехала вверх. Я стала медленно подниматься на ноги, но не успела принять вертикальное положение, как из квартиры, расположенной слева от лифта, с воплем: «Анечка, не надо!» – вылетела растрепанная женщина.

Увидав меня, она осеклась, а я, сразу поняв, кто такая та нахалка, которая ворвалась в лифт, зло сказала:

– Если не ошибаюсь, вы Ирина Галкина?

– Да, – настороженно кивнула тетка.

– Ваша дочь Анна сейчас едет в лифте наверх.

– Ой, – испуганно вскрикнула Ирина, – что ж делать-то?

Меня слегка удивило восклицание женщины, но долго недоумевать я не стала. Меня переполнял гнев, поэтому я сердито заговорила:

– Ваша дочь не дала мне выйти из лифта! Она влетела внутрь и принялась нажимать на кнопку, а когда я все же сумела выбраться наружу, она толкнула меня в спину, обозвала сукой…

– Ой-ей-ей, – запричитала Ирина, – вы не так поняли Анечку! Она очень хорошо воспитанная девочка! Просто ангел!

Истерический приступ смеха подобрался к моему горлу.

– Думаете, ангел способен начать драку с соседями?

– Нет, нет, Анечка, видимо, торопилась, а вы, наверное, сами зацепились каблуком за порожек, вот и упали… – затараторила Ирина.

– Ваша девчонка нахалка! И если она еще раз посмеет схамить, получит адекватный ответ – я попросту дам безобразнице по носу! – перебила я Галкину. А затем, не став дожидаться ее новых оправданий, быстро вышла во двор и двинулась к торговому центру.

Неожиданно я ощутила искреннее сочувствие к Лизе Макаркиной. Честно говоря, выслушав рассказ Лизаветы, я не очень-то поверила соседке, подумала, что та слегка сгустила краски, рисуя портрет юной поклонницы супруга. Но сейчас, столкнувшись с Аней, поняла: «красотка» действительно способна на все.

Глава 3

В огромном магазине между стеллажами с товаром бродило не так уж много покупательниц. Я подошла к стайке продавщиц, весело щебетавших около кассы, и, улыбнувшись, попросила:

– Покажите средства по уходу за лицом.

Девчонки примолкли, потом одна, с беджиком «Алиса» на груди, лениво протянула:

– Какие хотите?

Я попыталась вспомнить название серии, которую рекомендовала Макаркина, но оно, как назло, выпало из головы.

– Французского производства, – начала я прояснять ситуацию.

– Тут все из Парижа, – пожала плечами Алиса и повторила: – Уточните название фирмы.

– Э… э… а какие они бывают?

На густо накрашенном личике Алисы появилось выражение легкого презрения.

– Разные, – снисходительно пояснила она. – Есть ведущие бренды типа «Диор», «Ланком», «Шисейдо», «Шанель» и малоизвестные. Есть Польша… из Китая, только мы такими не торгуем. – Потом Алиса окинула меня взглядом и довершила выступление: – Если хотите продукцию типа ширпотреб, идите к метро. Там, в переходе, ларьки стоят.

– Знакомая посоветовала купить крем у вас, – терпеливо ответила я, решив не обращать внимания на явное хамство юной торговки.

Эх, видно, сегодня не мой день! Сначала на пустом месте поругалась с Олегом, потом столкнулась с пещерной нахалкой Галкиной, и вот теперь пожалуйста – встреча с девушкой, которая по манерам поведения была копией Анны. Откуда у продавщицы такой снобизм? По какой причине она считает малообеспеченных покупателей ниже себя? Сама-то, между прочим, не сидит сейчас у бассейна на собственной вилле, а торгует пудрой и губной помадой. Хотя, может, именно поэтому она ненавидит женщин, одетых не в фирменное пальто и не обвешанных брильянтами? Наверное, Алиса вынуждена кланяться богатым бабам, завидует им до зубовного скрежета и вымещает плохое настроение на

таких, как я, обычных москвичках без особых признаков благосостояния.

Правильнее всего было бы сейчас развернуться и с гордым видом уйти прочь. Но мне, с одной стороны, очень хотелось заполучить волшебный крем, а с другой – не собиралась я оставлять Алису победительницей, и все! Ей придется обслуживать клиентку!

– Так что порекомендовала вам подруга? – снизошла до меня Алиса.

– Большая банка розового цвета, на крышке нарисован цветок, похоже, роза, – стала я описывать упаковку.

Брови Алисы поползли вверх. Она быстро шагнула к одному из стеллажей, взяла оттуда баночку и продемонстрировала мне крем.

– Этот?

– Точно! – обрадовалась я. – Он самый!

Алиса еще раз пробежалась по мне оценивающим взглядом и спокойно продолжила:

– Одно питательное средство брать бессмысленно.

– Почему?

– Оно лишь завершает процедуру ухода.

– Да? А что еще понадобится? – оживилась я. – Понимаете, хочу слегка помолодеть.

Продавщица вздохнула:

– Нужны гель для умывания, сливки, снимающие косметику, скраб, лосьон, маска – вам лучше из глины – и два крема. Один на лицо, второй исключительно под глаза.

Я заколебалась. Не предполагала приобретать такую кучу банок.

– А если куплю только крем? Мне что, станет хуже?

– Хуже, чем сейчас, уже не будет, – заявила продавщица. – Охота вам неухоженное лицо мазать – нет проблем. Только никакого эффекта не получите, работает лишь комплекс.

Меня стали терзать сомнения. Конечно, очень хотелось снова превратиться в свежий персик, но деньги издательство перечислит мне лишь первого числа, а сегодня пятнадцатое. Больше двух недель ждать!

И тут в магазин влетела симпатичная девочка лет четырнадцати по виду. Продавщицы начали издавать приветственные возгласы, и мне стало понятно: в зале появилась постоянная любимая покупательница.

Девчушка притормозила около одной из витрин, ее пронзительный голосок зазвенел колокольчиком:

– Губную помаду, вон ту! Впрочем, розовую тоже, и коричневую, и фиолетовую…

– А блеск? – воскликнула побежавшая за девочкой продавщица.

– Ага, и его. Еще пудру, румяна. Вон тот кремчик, два лосьона, карандашик и лаки. Всю гамму! И не забудьте положить тени… да… те самые… Нет, другие, фу! Неужели не видите! Впрочем, давайте и первые тоже.

Я тряхнула головой. Если уж этот цыпленок, явно не заработавший за свою жизнь ни копейки, позволяет себе столько косметики, то и мне нечего жадничать для самой себя. В конце концов, я не прошу денег у мужа, являюсь популярной писательницей, можно сказать – звездой. Ну ладно, подзвездком, но все равно ведь лично получаю гонорар, можно и о себе подумать.

Я повернулась к Алисе:

– Беру все.

– Правильный выбор, – закивала продавщица, – суперсредства, великолепные, восхитительные, хай-класс, самые престижные…

Чем дольше Алиса расхваливала продукцию, тем тревожнее делалось у меня на душе. Сколько же стоит отобранный товар?

– Сейчас выпишу чек, – щебетала растерявшая всю злобность девушка, – и отнесу корзиночку к столу упаковки. А вы оплатите покупочку вон там, на кассе, и подходите туда же. Кстати, вам в подарок положен шампунь.

– Супер! – пробормотала я.

– Вот, – сунула мне в руку бумажонку Алиса. – Ну, я побежала, а вы к кассе.

Мои ноги сделали несколько шагов, потом глаза скользнули по цифрам суммы, четко написанной яркими, оранжево-красными, чернилами, – 3, 5, 8, 2…

Ну что ж. Конечно, три с половиной тысячи за косметику – неимоверно дорого. Можно сказать, почти недоступно для большинства наших женщин. Но у меня в кошельке лежат двести долларов, и неужели я не имею права потратить на себя раз в жизни…

Огромная жаба навалилась на плечи. Пытаясь сбросить мерзкое существо, я ползла к кассе и боролась с собой, словно древний грек с роком. Если поразмыслить, то три с половиной тысячи – это не так уж и много, там ведь не один крем. Ну-ка, почитаю, что получу за немалую сумму…

Я остановилась и принялась внимательно изучать листок, заполненный очень аккуратным почерком девочки-отличницы:

«Гель для умывания – 5.725 руб.;

Лосьон – 4.624 руб. …»

Однако как странно! 5.725 рублей? Наверное, Алиса ошиблась, точка оказалась не на том месте, должно было получиться 572.5 руб. и 462.4 руб. Но уже через секунду у меня по спине потек холодный пот – в самом низу, после слова

«итого», виднелась общая сумма 35.820 рублей 07 копеек, а потом она же была указана прописью: тридцать пять тысяч восемьсот двадцать рублей. Тут о копейках Алиса легкомысленно забыла.

Ноги приросли к полу. Ужас! Из чего делают эту косметику? Какие ингредиенты намешивают в крем? Икру лосося-альбиноса по цене несколько тысяч долларов за сто граммов? Или туда впихивают плоды дерева куру-куру, произрастающего в единичном экземпляре на одном из островов Полинезии? Может, лосьон налит во флакон из чистого золота? Да уж, ответа на вопросы нет, но одно ясно точно: мне столь замечательная косметика не по карману. Да и не купила бы я ее никогда, даже если бы имела сейчас такие бешеные деньги в кошельке!

Что же теперь делать? Хорошо, хоть магазин наполнился посетителями, и все продавщицы оказались заняты. Я поднялась на цыпочки, увидела Алису, стоявшую за столиком, и заскрипела зубами. Выскочить незаметно на улицу не удастся, товар тут упаковывают у самого выхода. И куда деваться? Попытаться просочиться через служебное помещение? Но дверь с надписью «Только для сотрудников» стережет шкафообразный парень, сильно смахивающий на бультерьера, стоящего на задних лапах.

Подойти к Алисе и честно признаться: «Извините, для меня косметический набор непомерно дорог, найдите средства подешевле»? Нет, не смогу, отчего-то стыдно расписываться в собственной бедности.

Но есть же какой-то выход из идиотской ситуации? Пожалуй, дождусь, когда Алиса отправится на обед, и тогда с гордо поднятой головой выберусь из лавки. А пока посижу за стеллажом!

Я снова осторожно глянула в сторону продавщицы. Теперь Алиса стояла с выражением нетерпения на мордочке, перед ней на столе красовались два пакета.

Я пригнулась и впала в задумчивость.

– Девушка, – прозвенел над ухом звонкий голосок, – вы масками интересуетесь?

Я вздрогнула и обернулась. Рядом стоял паренек.

– Нет, – попыталась я отделаться от юноши, одетого в темно-синий халат. На пластиковом квадрате, прикрепленном к нагрудному кармашку, надпись «Консультант».

– У нас суперское предложение, – настаивал тот.

– Спасибо, не надо.

– Две упаковки по цене одной.

– Благодарю.

– Вытяжка из смолы американской сосны.

– В мои планы не входят покупки.

– Можно просто попробовать. Бесплатно.

– Вы предлагаете мне съесть маску? – разозлилась я.

Паренек захихикал:

– Конечно, нет! Отчего вам в голову такая глупость пришла? Садитесь на стульчик, нанесу вам на лицо нашу новую разработку, пятнадцать минут посидите, смоем, увидите потрясающий эффект. Знаете, все, кто попробовал, потом просто ломали стенды от восторга.

Я хотела было отойти к другому стеллажу, но тут увидела, что юноша, добыв невесть откуда мисочку, начал выдавливать в нее из тюбика густую темно-коричневую субстанцию, и спросила:

– Это маска?

– Да, из смолы американской сосны, как я уже говорил.

– А на лице она какая будет?

– Не волнуйтесь, – заулыбался консультант, – смоется без следа.

– Но я на некоторое время стану похожа на негритянку?

– Скорей на шоколадку. Мы проделаем всю операцию вот тут, в укромном уголке, за ширмой, вас никто не увидит. А вообще-то люди привыкли, что в нашем магазине делают бесплатно процедуры.

– Отлично, – кивнула я, – начнем.

Только паренек усадил меня на высокий стульчик, как из зала донесся спокойный голос:

– Первая смена может идти обедать.

– Ирина Владимировна, я останусь, – ответила одна из девушек.

– В чем дело, Алиса? – спросила невидимая мне начальница.

– Покупка неоплаченная лежит, клиентка по залу ходит, – сообщила продавщица.

Я глубоко вздохнула и поежилась.

– Холодно? – забеспокоился паренек, уже успевший обмазать мое лицо клейкой массой. – Хотите, плед принесу?

Я кивнула.

– Айн момент, – заверил консультант, – живо сбегаю.

Едва юноша исчез за ширмой, я соскочила с неудобной одноногой табуретки без всяких признаков спинки, стащила с себя куртку, вывернула ее, повесила на руку и, стараясь не дрожать, прошествовала мимо маявшейся у столика Алисы.

Продавщица не издала ни звука. То ли она просто не обратила внимания на женщину, выходящую из магазина, то ли, скользнув глазами по темной коже лица, приняла меня за мулатку. О чем думала Алиса, мне неинтересно, главное, я сумела избежать тягостного признания в собственной некредитоспособности.

У моей куртки имеется большой, глубокий капюшон. Надвинув его на голову, я спокойно дошла до машины. Повезло и в родном подъезде – навстречу не попалось ни одной души. Дома я проскользнула в ванную, старательно умылась, вытерлась полотенцем, уставилась в зеркало и ахнула. Маска осталась на лице! Вернее, клейкая масса с водой стекла, но… оставила цвет. Нет, справедливости ради следует отметить, что мои лоб, щеки, нос и подбородок после водной процедуры слегка посветлели, и если до нее я походила на мулатку, то после умывания напоминала квартеронку. Теперь мое личико имело колер кофе со сливками, и на его фоне шея казалась просто снежно-белой. Впрочем, на лице цвета «крем-брюле» резко выделились голубые глаза, а мои пепельно-русые волосы стали похожи на крашеную мочалку.

Сцепив зубы, я вновь умылась, но особого успеха не достигла. Мне не помогли ни детское мыло, ни масло для очищения кожи младенца, ни даже пемза, которой я потерла щеки, ни… вообще ничего.

Спустя часа полтора, ощущая, как горит все лицо, я, чуть не рыдая, разглядывала себя в зеркале. Интересно, как долго продлится эффект? И что скажет Олег, увидав экзотический вид супруги? Кстати, почему Куприн не звонит?

Тут, словно подслушав мои мысли, ожил домашний телефон. Я кинулась на звук. Где же трубка? Почему мы никогда не кладем ее на базу! Ага, вот она…

Звонок захлебнулся, я топнула ногой. Нет, сегодня точно день неудач!

Из сумочки, брошенной в прихожей, заныл сотовый. Вот его я успела выхватить сразу, без задержки.

– Алло, – хмуро сказал Куприн, – ты где?

– Дома, милый, – залебезила я.

– Чем занимаешься?

– Э… сначала в душе мылась, теперь хочу пирог испечь. Понимаешь, такая ерунда приключилась…

– Я уезжаю, – перебил меня Куприн.

– Куда?

– В командировку.

Нет, совершенно гениальный ответ! Олег вообще мастер красноречия. В особенности меня бесит его манера на вопрос: «Где ты находишься?» – лаконично отвечать: «Еду по городу».

Ясно же, что он не летит в космосе. Но ведь можно сообщить, по какой улице катишь, куда направляешься, зачем. Нет, «еду по городу», и все. Вот и сейчас: просто «в командировку».

Я набрала полную грудь воздуха, готовая возмутиться, но затем медленно выдохнула его через нос. Спокойно, Вилка, ты уже сегодня поругалась с мужем, не стоит сейчас обращать внимание на ерунду. И потом, в любом скандале, который вспыхивает в нашей семье, виноватой все равно оказываюсь я, так как именно я делаю первый шаг к примирению, поскольку Олег не способен произнести слова: «Прости, любимая, был не прав».

Поэтому сейчас, для обретения спокойствия, я лучше проигнорирую идиотское заявление, а попросту уточню ситуацию:

– В командировку? Ой, как жаль! В какой город? Куда?

– В Питер.

– Надолго?

– Не знаю.

– Один летишь?

– Мы на поезде.

– Значит, с кем-то?

– Ага.

– С Витей Кротовым?

– Не-а.

– С Гришей Пауковым?

– Не.

– С Леней Забельским?

– Нет.

Я удивилась. Вроде перечислила всех коллег, кого Олег может взять с собой.

– Так кто он, твой попутчик?

– Вы незнакомы.

– А-а! Как же звать неизвестного мне парня?

– Да зачем тебе?

– Ну, просто интересно!

– Потом, сейчас некогда, – телеграфным стилем сообщил муж.

– Милый, – заныла я, – постарайся побыстрей вернуться, без тебя плохо…

Вообще-то у меня неоднозначное отношение к отлучкам Куприна. Если его отъезд занимает пару дней или максимум неделю, я испытываю радость от отсутствия супруга. Никто не отнимает ночью одеяло, не храпит над ухом, не смотрит в спальне до глубокой ночи телевизор, отмахиваясь от моего нытья: «Выключи, спать охота». Но уже через семь дней вольной жизни мне делается тоскливо и некомфортно. Сейчас же я испытала большое облегчение: если Олег задержится даже на десять суток, не стану расстраиваться, авось за это время «квартеронка» трансформируется назад в белолицую женщину.

– Хорошо, попробую живо разобраться с делами, – почти по-человечески ответил Олег.

Я обрадовалась и сказала:

– Я тебя люблю.

– Угу.

– Я тебя люблю.

– Угу.

– Я тебя люблю. А ты меня?

– Ага.

– Что значит «ага»?

– Да.

– Олег!!!

– Извини, опаздываю.

– Нет, ответь, ты любишь меня?

– Точно.

– Что «точно»? Неужели трудно сказать жене: «Милая, я тебя обожаю, ты самая лучшая»?

– О гос-споди… – прошипел Куприн. – Между прочим, я нахожусь на работе. Нельзя же быть такой дурой!

– Значит, сидя на службе, обозвать супругу дурой можно, а произнести вслух слова любви никак? – возмутилась я. – Мне не хватает твоего внимания!

– Все! – рявкнул Олег. – Пока. Устроюсь в гостинице – звякну.

Из мобильного полетели прерывистые гудки. Внезапно мне стало так обидно, что и не передать словами. Из глаз полились слезы. Я снова побежала в ванную, опять старательно умылась, увидела, что «кофейность» кожи не пропала, и решительно набрала номер сотового Куприна.

«Абонент находится вне зоны действия сети, попробуйте позвонить позднее», – сообщил вежливо-механический голос.

Я повторила попытку. Может, мой майор еще не покинул служебный кабинет?

– Кротов слушает! – рявкнуло в ухе.

– Ой, Витя, привет.

– Это кто?

– Вилка.

– А! Здоро€во!

– Олег на месте?

– Не, они с Анастасией в Питер укатили.

– С кем?

– С Волковой.

– Это кто такая? – удивилась я.

– Новенькая, – охотно пояснил Витька. – Только неделю работает, она из Новосибирска переехала.

– Спасибо, – дрожащим голосом ответила я и швырнула телефон на пол.

Теперь понятно, отчего Олег не пожелал сказать жене ласковых слов и по какой причине он столь радостно обозвал супругу дурой. Рядом с ним, наверняка глупо хихикая, стояла новенькая сотрудница!

В голове начали ворочаться совсем тяжелые мысли. Конечно, служебная инструкция категорически запрещает сотруднику МВД сообщать жене о своих делах, но Олег, как, впрочем, и другие женатые мужчины, сплошь и рядом нарушает предписание. И правда, кто еще сумеет дать хороший совет, кроме второй половины? Поэтому я частенько оказываюсь в курсе проблем Куприна и знаю обо всех передвижениях в его отделе. Слышала, естественно, о вакансии, муж жаловался на трудности с поисками знающего специалиста. Но о том, что тот в конце концов нашелся, Олег отчего-то промолчал.

Значит, новенькая, из Новосибирска… Раз новенькая, то молоденькая девушка. Новосибирск у нас в Сибири, следовательно, эта Настя – высокая блондинка с большой грудью, за Уральскими горами все такие. И она не замужем, иначе не согласилась бы на переезд. Карьеристка! Не успела прибыть в Москву и уже пытается охмурить начальника!

У меня зашумело в ушах. Сейчас еще светло, а все поезда на Питер уезжают в районе полуночи. Куда же отправился Куприн с сочной красоткой? Отчего он отключил мобильный? И он еще смеет упрекать жену в глупой ревности!

Кстати, а вещи? Он что, поедет налегке? Не прихватит даже рубашку на смену? Или эта Настя уже собралась ухаживать за МОИМ мужем по полной программе – станет стирать и гладить шмотки шефа?

Из прихожей внезапно исчез воздух. Мне стало холодно, потом жарко, следом снова пришел озноб. Уж и не знаю, сколько времени я тряслась в лихорадке, из неприятного состояния меня вывел требовательный звонок в дверь.

Ноги побежали к ней. Ага, это Олег – он снова забыл дома ключи, а сейчас заехал за сумкой с вещами. Настя небось сидит в кафе неподалеку. Ну, Куприн, погоди!

Глава 4

Навесив на лицо гримасу, отдаленно напоминающую улыбку, я распахнула дверь и тут же испытала горькое разочарование. На лестничной клетке, прижав кулаки к груди, стояла Ирина Галкина.

– Если вы пришли, чтобы потребовать с меня деньги за якобы испорченные туфли вашей нахалки дочери, то зря старались! – рявкнула я. – Убирайтесь вон!

Ирина вздрогнула, потом, словно подкошенная, рухнула на колени, вытянула вперед руки и странным сдавленным голосом зашептала:

– Помогите, пожалуйста, помогите, пожалуйста, помогите, пожалуйста…

Я оторопела. А Галкина внезапно принялась биться лбом о кафельные плитки пола, продолжая мерно и почему-то спокойно повторять:

– Помогите, помогите, помогите, помогите…

Забыв про наглую Аню, я кинулась к Ирине и попыталась поднять ее.

– Что случилось?

– Аня… Аня… Аня… умерла… Аня… Аня…

У меня задрожали ноги.

– Что случилось с вашей дочерью?

Ирина вздрогнула и замерла в полупоклоне. Потом она, не стукнувшись в очередной раз головой о пол, выпрямилась и ответила:

– Ей очень плохо.

– Надо немедленно звонить в «Скорую»! – засуетилась я. – А ну, побежали скорей к вам домой! Разве можно оставлять девушку одну в такой момент? Ирина! Очнитесь!

Галкина села, привалившись к стене.

– Помогите!

Я ухватила ее за плечи.

– А ну, соберитесь с силами, и пошли. Нечего раскисать, сейчас медицина шагнула далеко вперед. Надо лишь вовремя вызвать врача. Эй, шевелитесь!

Но Галкина сидела, уставившись в одну точку.

– Дверь в квартиру заперта? – рявкнула я. – Если да, то где ключи? Сама вызову медиков.

Очень хорошо знаю, что человечество делится на две категории. Одни люди в момент опасности или стрессовой ситуации полностью теряют над собой контроль. Они впадают в панику, кричат, мечутся или каменеют от ужаса. Но есть другие личности, тоже не лишенные чувства страха, но они, став участниками опасных событий, концентрируются и не теряют головы. Половая принадлежность и возраст тут не играют роли. Я видела одну хрупкую девочку, которая, оказавшись почти в эпицентре взрыва, ухитрилась вынести на своих руках совершенно лишившихся разума родителей. Причем вынести в буквальном смысле этого слова: подросток просто поднял вопящих от ужаса маму с папой и выволок из горящего поезда на улицу. Кстати говоря, действовал ребенок

совершенно осознанно. Мне эта школьница потом объяснила:

«Все заорали и бросились к окнам, а я подумала, что в вагоне еще есть двери. Раз уж мы остались живы при взрыве, то следует быстро драпать, иначе можно отравиться продуктами горения. Я по телику передачу видела: кто при пожаре не убежал – задохнулся».

Вот как случается: папа с мамой орут от страха, а дитятко спокойно оценивает ситуацию.

Похоже, Ирина принадлежит к категории паникеров. Даже если ее Аня упала по непонятной причине в обморок, следовало бы набирать 03, а не мчаться с визгом к соседям.

– Твой муж дома? – неожиданно вполне разумно осведомилась Ира.

– Нет. И он тут не помощник, – попыталась я вразумить Галкину. – Олег – сотрудник МВД.

– Да. Да. Да. Он-то и нужен! Помоги! – воскликнула Ира и протянула мне руку.

Я подхватила соседку.

– Ты успокоилась?

– Да.

– Попробуй нормально объяснить, что случилось.

– Аня. Ей плохо.

– Врача вызвала?

– Нет. Так увозят.

– Увозят? Куда?

– Не знаю, – зашептала Ира, – не знаю. Думала, твой муж поможет. Ему, как своему, все скажут, оттого и прибежала.

Я втащила Ирину в нашу квартиру, посадила на стул в прихожей, потом принесла ей из кухни стакан минералки и громко сказала:

– Ничего не понимаю. Выпей и говори нормально.

Ирина залпом опустошила стакан и стала выдавать относительно связный текст:

– Аня убила Лизу Макаркину. Так говорят. Но это неправда! Она там, мне позвонила: «Мама, помоги, заперли». И я знаю: девочка не виновата. Совсем! Ужасное совпадение! Меня не пускают. Думала, твой муж их устыдит, велит отдать мне Аню. Пусть он им прикажет! Ну, пожалуйста, пожалуйста! Она ни при чем!

Я потрясла головой.

– Ты способна тут одна посидеть?

– Да. Да. Да.

– Тогда ступай в гостиную.

– Да. Да. Да.

– И жди меня.

– Ты поможешь? – с огромной надеждой спросила Ира. – Скажешь мужу? Он ведь у тебя генерал, большой начальник, а ты писательница, у вас связей полно! Да? Да! Да. Да. Да!

Я быстро выскользнула за дверь и побежала к Макаркиным. Слухи бродят по нашему подъезду стаями. Олегу до генеральского звания как мне до Льва Толстого, и никакими особыми связями ни я, ни супруг не обладаем, просто имеем много друзей в самых разных сферах, но ни одного крутого начальника,

способного росчерком пера решить судьбу человека, среди них нет.

Дверь в квартиру Лизы была приоткрыта. Я поежилась. Пришла беда – доставай паспорта. Или еще, как любит говорить мой Куприн: «Если в дом приехала милиция, то из него убегает покой».

Я заглянула в прихожую и тихонько позвала:

– Лиза!

Из одной комнаты вышла женщина, одетая в джинсы и пуловер.

– Вы кто? – сурово поинтересовалась она.

– Э… соседка.

– И что хотите?

– Мне нужна Лиза Макаркина.

– Ваше имя, отчество, фамилия.

– Виола Ленинидовна Тараканова, – машинально представилась я. Потом, решив набить себе цену, сообщила: – Под псевдонимом Арина Виолова пишу детективные романы.

– Зачем вам Макаркина? – совершенно не обрадовавшись знакомству с писательницей, продолжила тетка.

– Ну… соль попросить хочу, – нашлась я, оглядываясь вокруг.

Похоже, ничего страшного с Лизой не произошло. В квартире тишина, никаких следов драки, луж крови на полу и разбитых стекол.

– За солью лучше обратитесь в иное место, – отрезала тетка. – Сергей, проводи.

Из комнаты вышел юноша, тоже в джинсах.

– Пройдемте, гражданочка, – пробасил он, тесня меня к двери, – тут нельзя находиться.

– Но почему?

– Сказано – нельзя.

– Где Лиза?

– Вам потом объяснят.

– Понимаете, я Виола Тараканова, мой муж…

Но я не успела договорить начатую фразу: твердой рукой парень выставил меня на лестничную клетку и закрыл дверь.

Я прикусила губу. Что случилось у Макаркиной? В квартире сейчас находится милиция, это точно. И женщина, и юноша, хоть и не одеты в форму, стопроцентно являются ментами.

– Эй, Вилка! – прозвучало из соседней двери.

Я повернула голову. Мне заговорщицки улыбалась соседка Макаркиной по лестничной клетке Вера Данильченко.

– Ну, чего там? – спросила она.

– Где? – прикинулась я идиоткой.

– Да у Лизки! Тебе, как своей, небось все рассказали. Анька там? Или уже увели? Ой, а чего у тебя с мордой? Почему коричневая?

Я подошла к Вере.

– Это от крема, ерунда. Про Аню ничего не знаю. Ко мне пару минут назад прибежала Ира Галкина, она в невменяемом состоянии. Мы с ней практически незнакомы, просто раскланивались при встречах, дружбы не водили. А тут принеслась. Билась в истерике, молола какую-то чушь про Аню и Макаркину… Просила помощи, но ничего не объяснила.

– Иди сюда, – жадно позвала Вера. – Ясное дело, отчего она к тебе бросилась. Кто у нас жена генерала?

– Еще скажи, маршала! – не вытерпела я.

– Да ну! – всплеснула руками Вера. – Не знала, что твой Олег так высоко взлетел. Вы, наверное, теперь от нас в собственный загородный дом съедете? Да уж, везуха некоторым, точно рассчитала, за кого замуж выходить…

Конец фразы утонул в грохоте: на этаже остановился лифт, и из него вышли два милиционера с мрачно-хмурыми лицами.

Вера, забыв захлопнуть рот, наблюдала за представителями закона. Парочка, не произнеся ни слова, скрылась в квартире Макаркиных.

– Видела? – ожила Вера. – Во как! Любовь! Страшное дело!

– Что случилось?

– Анька убила Лизку Макаркину.

– Врешь! – подскочила я.

– Не, правда, – быстро перекрестилась Вера. – Это я ее поймала. Прямо у трупа. И не дала убежать, захлопнула дверь. Мне менты теперь премию должны дать! Слышь, Вилка, погутарь там со своим маршалом, пусть велит мне за бдительность деньжат выписать, ремонт сделать хочу. Сколько он может дать, как полагаешь?

– Объясни, что тут случилось! – потребовала я.

Вера прислонилась к косяку и принялась самозабвенно выдавать информацию. По мере ее рассказа я вздрагивала и проникалась все большей жалостью к несчастной Ире Галкиной, плачущей сейчас у меня дома.

Если излагать события последовательно, то они выглядели так.

Данильченко пришла сегодня домой с работы и заметила непорядок – железная дверь в квартиру Лизы Макаркиной не была заперта. Из небольшой щели между створкой и косяком интенсивно дуло. Вера осторожно заглянула внутрь апартаментов Макаркиной… Нет, сначала надо пару слов сказать о самой Верке. Она служит контролером в метро и мастерски вычисляет тех, кто пытается проникнуть в подземку по поддельному проездному. Вся жизнь Веры – поиск нарушителей заведенных правил. Отстояв положенные часы у турникета и всласть налаявшись с пассажирами, Данильченко идет домой, где для нее начинается новая рабочая смена. Народ вокруг ходит безалаберный, всем плевать на порядок. Дверь за собой в подъезд не прикрывают, на подоконниках «бычки» бросают, у батарей и на лестницах пивные бутылки ставят, а уборщицы тряпкой пошлепают – и бежать, им плевать на грязь и стеклотару. Сплошное нарушение правил. Вот Вера и борется со всеми. Она передвигает половики у чужих дверей – коврику положено находиться справа от входа. Почему именно там? На этот вопрос у Верки ответа нет. Положено, и точка. Кем? Тоже не ясно… Но Данильченко знает точно: кусок паласа или резины, на который стряхивают грязь с обуви, обязан красоваться справа. А люди тупы: кое-кто стелет слева. Нарушает!

Вера безо всякого стеснения способна позвонить в вашу квартиру и заявить:

– Немедленно поправьте коврик.

Самое интересное, что жильцы покорно выполняют ее требования. Мы знаем: иначе Данильченко начнет склоку со строптивым соседом. Вера – человек слишком активной жизненной позиции, и, услыхав слова типа: «Пошла ты вон», она мигом откроет боевые действия.

Данильченко побежит в домоуправление, милицию, муниципалитет, думу, пробьется к мэру Москвы, походя отнесет заявление в суд, потребует от строптивца денежной компенсации за оскорбление, получит десять рублей и все равно не успокоится, станет еще чаще проверять, как выглядит снаружи

пространство возле вашей входной двери. Теперь понятно, отчего подавляющее большинство жильцов просто тихо передвигает несчастный коврик?

Одна Лиза плюет на установленный порядок. Она курит на лестнице и никогда не выбрасывает за собой окурки. Зимой, чтобы избавиться от дыма, Макаркина открывает форточку, вымораживает пространство у лифта, а это не по-государственному. В стране заканчиваются запасы нефти и газа, а несознательные москвичи отапливают улицу. Да еще коврик у двери Макаркиных всегда лежит слева, а это просто бесит Веру! Любая другая соседка мигом бы получила от Данильченко нагоняй. Но не Лиза.

Только с Макаркиными Вера никогда не ругается – из чисто утилитарных соображений. У Веры остеохондроз, а Антон великолепно вправляет спину. Сердобольный Макаркин никогда не отказывает Данильченко в помощи. В какое бы время охающая соседка ни появилась у него дома, медик засучивает рукава. Вера благодарный человек, поэтому у Макаркиных статус неприкосновенных, а с Лизой Данильченко связывает даже некое подобие дружбы.

Исходя из всего вышесказанного, Вера решила заглянуть в щель двери Макаркиных, чтобы понять: дома Лиза или нет? Убежала она, забыв запереть дверь, или попросту уставилась в телик, не думая о том, что по Москве толпами бродят бандиты, сексуальные маньяки и банальные воры?

Вера приникла к створке и окаменела. Ее глазам открылась страшная картина. Около двери, ведущей в спальню Макаркиных, стояла… Аня Галкина с совершенно безумным видом. В руках девушка сжимала пистолет самого чудовищного вида, пальцы Галкиной покрывала кровь, красные пятна виднелись и на ее белых туфлях.

Вера на секунду лишилась способности не то что орать, а и просто шевелиться. Аня тоже молчала. Наконец Данильченко опомнилась и поняла, что произошло.

Ни для кого во дворе не было секретом, что младшая Галкина, словно кошка, влюбилась в Антона. Плохо воспитанная девчонка, забыв про гордость и правила поведения приличной девушки, буквально вешалась массажисту на шею. И вот сейчас Галкина пристрелила жену своего любимого…

Вера – человек действия, и она сразу сообразила, как следует поступить.

Недрогнувшей рукой Данильченко вытащила ключ, торчавший в двери с внутренней стороны, захлопнула створку, заперла замок снаружи и понеслась звонить в милицию. Убийце некуда деваться, ее возьмут тепленькой, буквально у трупа.

До приезда патрульной машины Данильченко решила на всякий случай подежурить на лестничной клетке. И, как оказалось, совсем даже не зря.

Сначала Аня попыталась открыть изнутри дверь. Вера, стоя на своем посту, лишь посмеивалась, глядя, как трясется ручка. Потом девчонка, очевидно, схватилась за телефон, потому что довольно скоро из прибывшего лифта выскочила Ирина. Увидав Веру, она ахнула и замерла.

– Куда торопишься? – прищурилась Данильченко.

– А… о… а… о… – выдавила из себя соседка.

– Ищешь кого? – продолжала издеваться отлично понимавшая ситуацию Вера.

Ирина посерела, и тут у нее в руке затрезвонил мобильный.

– Да, – воскликнула Галкина, – да, тут! Здесь! Верю! Но… да… ой… ой… ну посиди там. Ага! Конечно, выпал. Он же был на месте!

Вера спокойно зашла к себе в квартиру, но прежде чем закрыть дверь, крикнула:

– Ира!

– Что? – повернула к ней серое лицо Галкина.

– Ты своей Аньке скажи, чтоб не старалась, – заржала Данильченко. – Ключ у меня, дверь ей не открыть. Скоро менты прикатят, и я все расскажу: видела твою красотку с пистолетом в руке, всю в кровище.

Ирина кинулась к Вере, но та проворно захлопнула дверь и лишь ухмылялась, слушая, как ополоумевшая Галкина стучит в железку кулачками и рыдает от

бессилия…

– Вот как жизнь поворачивается, – весело блестя глазами, закончила повествование Вера. – Если б не я, Анька могла и удрапать.

– Но почему ты решила, что Лиза убита? – удивилась я. – Вдруг она просто ранена!

– Не! – покачала головой Вера. – Носом чую – померла Лизка. Во, гляди!

Дверь квартиры Макаркиной открылась, послышались лязг и мужские голоса:

– Правее возьми…

– Заноси…

– Поверни…

– Нет, так пройдет…

Словно завороженная, я смотрела в ту сторону. Сначала из квартиры появился парень, одетый в синий комбинезон. Его руки, слегка отведенные назад, крепко сжимали ручки носилок, потом показалось нечто черное, блестящее… Мешок!

– Стой, Андрюха, – донеслось из апартаментов Макаркиных, – я тут зацепился! Понаставили мебели! Нет бы подумать, что выносить придется…

Я встрепенулась и, не дожидаясь, пока тело Лизы вытащат к лифту, опрометью бросилась вниз по лестнице.

Глава 5

Ира была на том же месте – сидела на стуле в моей прихожей.

– Что? – воскликнула она, вскакивая при виде меня на ноги. – Выяснилось недоразумение?

Я сделала вид, что усиленно ищу тапочки.

– Анечку отпустили?

– Ну…

– Разобрались?

– Э… э… э…

– Девочка домой пошла? – в безумной надежде вопрошала Ира.

– Нет, – промямлила я. – Вернее, не знаю. Я не видела твою дочь, меня не впустили в квартиру.

– Как же так? – вздрогнула Ира. – Ты сказала им про мужа-генерала?

– У Олега вовсе не такое большое звание, – пояснила я, – и потом…

– Ты обязана помочь!

– Я? С какой стати?

– Моя девочка попала в беду. Анечка такая маленькая, тихая, скромная, она мухи не обидит…

И тут мое терпение лопнуло.

– Твоя маленькая, тихая, скромная Анечка совершенно беспардонно вела себя в лифте! Сначала накричала на меня, потом толкнула в спину, да еще…

Ира вскочила, вытянула руки вперед, как бы останавливая поток моего возмущения, заговорила укоризненно:

– Нельзя быть такой злопамятной. Господь учит милосердию…

– Замечательно, – теперь я перебила ее, – вот пусть Аня и слушает его лекции. А мой муж вовсе не генерал. Более того, он уехал в Питер, надолго. Помочь ничем не сумеет.

Ирина заплакала и обвалилась на стул.

К огромному сожалению, в этот самый момент домой вернулась Томочка. Тот, кто не в первый раз встречается с нами, очень хорошо знает: моя лучшая подруга готова броситься на помощь любому человеку.

– Случилась беда? – сразу захлопотала Тамара.

Ирина, сообразив, что появился добрый самаритянин, немедленно впала в истерику.

Томуська кинулась обнимать и успокаивать Галкину. Одновременно она послала вошедшую в дом следом за ней вернувшуюся из школы Крисю за чаем, кофе, валокордином, коньяком и куриным бульоном – за всем сразу.

Я же сочла за благо исчезнуть в своей комнате. День сегодня выдался абсолютно пустой, бестолковый, ничего продуктивного я не сделала, хоть вечером следует сесть к столу и выдать на-гора норму страниц…

Очень многие читатели спрашивают у писателя:

– Откуда вы берете все свои истории?

Вот уж вопрос, на который нет ответа! Лично я пытаюсь обратить дело в шутку и, хихикая, отвечаю:

– Знаете, самозабвенно вру и получаю за это деньги.

На самом деле я, конечно, кривлю душой. У меня очень плохо с фантазией, разработать сюжет могу с огромным трудом, и чаще всего он получается

неинтересным. Уж поверьте мне, жизнь намного круче любой фантазии! Поэтому, как выражается Куприн, мне необходимо вляпаться в некую историю. Вот тогда, пережив приключения, я опишу их вдохновенно, у меня явный дар рассказчика. Но, увы, писатель обязан обладать не одним, а несколькими талантами. Например, хорошо бы литератору уметь лихо закручивать сюжет, ловко писать диалоги, вылеплять характеры. Я же со своим даром рассказчика – лишь намек на прозаика, одна его составляющая, поэтому и выпускаю книги нечасто. Приключения ведь не таятся за каждым углом! Но рукопись следует сдавать в издательство в определенный контрактом срок, поэтому мне приходится буквально приковываться к рабочему месту и выжимать из себя строки.

Я села к столу. Вот черт, давно хочу купить новое кресло! То, на котором я вынуждена сидеть сейчас, страшно некомфортное. Попробуйте работать, заваливаясь назад! И кто только придумал такую мебель – у кресла совершенно по-идиотски загнутая спинка. Да и сиденье жесткое. Ладно, попытаюсь абстрагироваться от неудобств. Итак, начнем.

«Лена вздохнула и выпрямилась, у ее ног лежало…»

Я остановилась. При чем тут Лена? Пальцы быстро перелистнули написанные первые десять страниц будущей книги. Героиню-то зовут Таней, вечно вы, госпожа Виолова, путаетесь в именах! Хорошо… вернее, плохо, но поправимо.

«Таня вздохнула и выпрямилась, у ее ног лежала…»

Я снова отложила ручку. Минуточку! Какого черта она испускает вздохи и выпрямляется? Ну не дура ли, ведь просто принимает ванну. Или я опять что-то перепутала?

Пришлось вновь копаться в предыдущем тексте. Нет, верно. Последний написанный абзац я завершила фразой: «Таня вздохнула, мыльная пена текла у нее по лицу».

Что-то героиня у меня совсем развздыхалась, а ведь в русском языке много иных глаголов.

Я вычеркнула никуда не годное предложение и попыталась продолжить написание сцены под условным названием «В душе».

«Шампунь защипал глаза. Таня взяла губку. Ловкими движениями она принялась смывать со своего роскошного, стройного, загорелого тела…»

Э нет! У меня же не эротический роман, а детектив. Значит, надо иначе.

«Раздался выстрел. Таня икнула, выронила губку, вода в ванне стала красной…»

Стоп! Я убила главную героиню! Это невозможно! Ну-ка, быстренько наведем порядок!

«Но Танечка осталась жива. Пуля прошла мимо важных вен и артерий, не задев их…»

Ручка выпала из моих пальцев. Да уж, если посмотреть на текст беспристрастным взором, то больше всего он напоминает известную детскую считалочку: «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять, вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет, пиф, паф, ой-ей-ей, умирает зайчик мой. Принесли его домой, оказался он живой!»

Ясное дело, почему мне в голову полезли глупости. Что за идиотская ручка? Она скрипит! И бумага желтая – на такой ничего хорошего не напишется! И вообще, я есть хочу, но на кухню не выйти, там Томочка утешает Иру. Идиотство! Писателю дома обязаны создать условия, а тут…

Дверь тихо скрипнула.

– Кто там? – подскочила я. – Не мешайте творить!

– Прости, Вилка, не знала, что ты пишешь! – воскликнула в щелочку Томуська.

– Уже бросила.

– Извини.

– Что ты хотела?

– Потом, не хочу тебе мешать.

Дверь стала прикрываться. Мне стало стыдно.

– Собственно говоря, не успела въехать в текст.

– Какие-то проблемы? – насторожилась подруга и вошла.

Томуська единственный человек, которому я способна сообщить правду.

– Ага, – честно кивнула я.

– А в чем дело?

– Не пишется.

– Ой, отчего?

Я почесала переносицу.

– Ну… как в том анекдоте. Закончились патроны.

Томочка заморгала, я засмеялась.

– Нет сюжета, главную героиню пристрелили в первой главе, в ванне. В общем, чума.

Подруга подошла к столу.

– Вилка, не сердись.

– Если речь сейчас пойдет о Галкиной, то лучше не заводи разговор.

– Ей надо помочь.

– Еще чего!

– Аня не виновата.

– Ой, перестань. Соседка, Вера Данильченко, заперла девицу в квартире Макаркиных после того, как увидела милую Анечку всю в крови.

– Это случайность.

– С пистолетом в руке!

– Ерунда получилась.

– Думаю, убитой Лизе Макаркиной происшествие не показалось ерундой.

– Право, Вилка… Ты послушай!

– Мне некогда, пусть Ирина идет к следователю и ему выкладывает свои мысли.

– Аню задержали.

– За дело.

– Она милая девочка!

– Ага, только бьет в спину тех, кто, по ее мнению, не слишком быстро выбегает из лифта.

– Ну, Вилка, ради меня!

Я быстро встала. Последний аргумент Томочка употребляет очень редко, лишь в крайней ситуации от нее можно услышать подобную фразу.

Следовательно, случилось нечто экстраординарное.

Увидав меня, Ира вздрогнула, а Тамара быстро сказала:

– Ирочка, повтори-ка свой рассказ.

– Зачем? – тихо спросила Галкина.

– Вилка послушает.

– Она не хочет мне помочь, – прошептала Ирина.

– Нет, нет, ты ошибаешься, – завела Томуська таким сладким голосом, что я окончательно обозлилась.

– Вилке мы с Анечкой нужны словно прошлогодний снег, – продолжала кривляться Галкина.

– Верно, – кивнула я, – глаза бы мои вас не видели, но, раз Тома просит, готова послушать. Пой песню.

– Вот, слышала? – плаксивым голосом осведомилась Ирина.

И тут Томочка очень тихо произнесла:

– Ира, на всем белом свете имеется лишь один человек, способный вытащить Аню из того дерьма, в которое она вляпалась. Прекрати кретинствовать и немедленно изложи Вилке суть вопроса. Моя подруга человек занятой, она пишет книги, снимает кино, но одновременно является и гениальным сыщиком, который всегда бескорыстно помогает людям. Не существует дела, перед которым Виола спасует. Говори.

Галкина откашлялась и завела рассказ. Я, с трудом придя в себя после щедрой порции похвалы, выданной подругой, стала очень внимательно слушать Иру. Томочка всегда бывает права, у нее невероятное чутье, обмануть ее невозможно. Неужели Аня не имеет отношения к убийству Лизы Макаркиной?

Ира Галкина воспитывает дочь одна. Биологический отец Ани, алкоголик и наркоман, много лет назад исчез безвозвратно, чему его жена только рада.

Ира выходила замуж по любви, к тому же за сына профессора, и сначала чувствовала себя самой счастливой на свете. Мало кому повезло так, как ей.

Жених – коренной москвич, с высшим образованием, его родители – не последние люди в столице. По идее, свекровь со свекром должны были скорчить презрительную мину при виде предполагаемой невестки, девочки из подмосковного городка, работающей штукатуром на стройке. Когда Леша впервые пригласил к себе Иру домой, девушка чуть не зарыдала от страха. Воображение развернуло перед ней картину. Вот дородная женщина с высокой прической, оттопырив нижнюю губу, цедит сквозь зубы:

– Сынок, кого ты к нам привел? Где нашел столь «достойную» партию? На какой помойке?

Леша, естественно, покраснеет и стушуется. Потом появится папа в черном костюме и спросит:

– Вы классическую литературу любите? В консерваторию часто ходите?

Конечно, можно соврать, закивать и воскликнуть:

– Я без ума от Достоевского и Чайковского!

Но ведь профессор легко уличит ее во лжи. Из всей русской культуры Ирочка помнила лишь эти две фамилии – она плохо училась в школе.

В общем, Ира, как могла, оттягивала момент знакомства, но потом, когда они с Лешей отнесли заявление в ЗАГС, пришлось-таки тащиться на плаху. Перед визитом Ирина одолжила праздничный костюм у Зины, своей соседки по общежитию. Та охотно дала пиджак с юбкой и, вздохнув, сообщила:

– Меня тоже в свое время на смотрины позвали. Посадили обедать, выложили около тарелки сто вилок с ножами и начали наблюдать, как я с ними управлюсь.

– Ой… – похолодела Ира, даже не предполагавшая о возможности подобного казуса. – А за фигом столько приборов?

– Вот и я так подумала, – кивнула Зинка. – Больше они меня не приглашали, нашли своему сыночку другую невесту.

Одним словом, понятно, в каком настроении Ира отправилась к Галкиным. Чужой костюм жал в груди, ноги ныли от непривычных каблуков, голова, на которой топорщились обильно политые лаком волосы, чесалась немилосердно.

Но все оказалось просто замечательно. Профессор и его жена были одеты в джинсы, на столе лежал обычный набор из вилки, ножа и ложки, в качестве угощения дали самые простецкие сосиски, и никто не стал выяснять у Иры никакие подробности о ее родителях, материальном положении и интеллектуальных пристрастиях.

Сыграли свадьбу. В качестве подарка молодые получили от добрых мамы и папы юного мужа квартиру с полной обстановкой. Ира впала в эйфорическое состояние. До сих пор она жила в отвратительных условиях – детство и школьные годы провела в дощатом домике без удобств, а в Москве у нее была лишь койка в общежитии.

Очень скоро Ира забеременела. Узнав о том, что он станет отцом, Леша обрадовался безмерно, обнял Ирину и воскликнул:

– Так, сейчас отлучусь на часок, а потом отметим радостное событие!

Сказал, схватил куртку и унесся со скоростью ветра. Наивная Ира решила, что супруг помчался в магазин за подарком, и стала терпеливо ждать Алексея. Когда тот не появился и после полуночи, Ирочка позвонила свекрови и с тревогой спросила:

– Светлана Семеновна, к вам Лешик не забегал?

– Нет, – удивилась свекровь. – А что случилось?

Испуганная Ирочка рассказала о своей беременности и разговоре с Алешей. Она очень осторожно излагала события, боялась нанести матери мужа травму, но Светлана Семеновна отреагировала странно.

– О господи! – воскликнула она. – Начинается…

Алеша вернулся через неделю, грязный, оборванный и побитый. Ире он сообщил:

– Представляешь, пошел тебе за подарком, напали трое, ограбили, увезли в Питер и бросили. Пришлось домой пешком идти.

Большинство женщин, услыхав подобную сказочку, мигом бы начали задавать вопросы. Например, такой: с чего вдруг уголовники потащили жертву в другой город? Или такой: отчего Леша не позвонил супруге или родителям и не попросил денег на билет, а предпочел брести по шпалам не одну сотню километров?

Однако наивная Ирочка так была счастлива, так радовалась, так плакала, что ни о чем Алешу не спросила.

Через десять дней муж снова исчез. Отправился в магазин за хлебом и вернулся спустя месяц – без батона, естественно, зато со сломанным носом. И снова Ира поверила святочному рассказу о неких людях, решивших изнасиловать девушку, и о том, как Алексей, увидевший негодяев, помог несчастной и оказался в больнице, а позвонить оттуда не мог, поскольку там не имелось телефона.

Однако потом Леша поутих. До рождения Ани супруг Ирины примерно сидел дома, но, едва девочке исполнилось десять дней, испарился. На этот раз по дороге в молочную кухню.

И тут к Ире приехала Светлана Семеновна. Свекровь рассказала неприятную правду: Алеша наркоман. Правда, он пытается бороться с недугом и некоторое время не прикасается к шприцу, но все равно срывается. Родители давно перестали бороться с сыном. Они очень обрадовались, когда тот решил жениться.

– Мы наивно полагали, что семья, супруга и дитя, удержат Алексея от наркотиков, – вздыхала Светлана, – да, видно, не судьба.

Ира чуть не лишилась чувств, слушая свекровь.

– Почему вы сразу мне правду не сообщили? – воскликнула молодая жена.

– Зачем вмешиваться в чужие отношения? – быстро ответила хитрая свекровь. – Нам один психолог посоветовал: пусть Алеша жену заведет и ребенка. Почувствует ответственность и, может, остепенится.

Вот тут у Иры окончательно открылись глаза: стало понятно, по какой причине ее приняли в доме профессора с исключительной ласковостью. А отдельную квартиру молодым преподнесли, чтобы просто избавиться от маргинального сынка.

– Уходите прочь! – закричала Ира. – И имейте в виду: больше Алешку я на порог не пущу. Кстати, он прописан в вашей квартире. Сюда пусть даже и не суется! А если надумаете в суд подать, чтобы метры отнять, то… в общем, ничего у вас не получится!

Светлана вскочила на ноги:

– Вот как ты заговорила… Правильно мой муж говорит: «Сколько быдло ни корми, все равно на помойку побежит». Ты же от нас только хорошее видела!

– Что? Хорошее? – окончательно пошла вразнос Ирина. – Да вы хоть понимаете, что сотворили? Моя дочь может оказаться больной, от наркомана нельзя рожать!

Свекровь ринулась к двери. Уже выходя на лестничную клетку, она обернулась и каменным голосом сообщила:

– Мы с мужем люди интеллигентные и на твою квартиру претендовать не станем. Надумаешь развестись, останешься в подаренных хоромах. Но платить алименты на девочку ты нас не заставишь. Требуй деньги на содержание ребенка с Алексея.

Все. Более Ира никогда ни мужа, ни его родственников не встречала. Анечку Галкина тянула одна. И чем больше подрастала дочка, тем яснее мама понимала: любимый ребеночек получил львиную долю папиных генов.

Девочка была эмоционально неустойчивой. Временами она обожала маму, кидалась той на шею, обнимала, целовала. Но могла и наорать на нее, обозвать дурой, устроить грандиозный скандал. Ане свойственны припадки ярости, за которыми следуют всплески глубочайшего раскаяния. Анечка словно живет на качелях, ее мотает вверх-вниз, ровного настроения у девочки не случается. Наверное, поэтому у Ани всего лишь одна подруга, Маша Левкина, только она способна вытерпеть Галкину, с остальными сверстниками отношения испорчены окончательно.

В школе Аня училась просто отвратительно, Ира из кожи лезла вон, чтобы дочь получила образование. Мать, зарабатывавшая на жизнь ремонтами чужих квартир, страстно хотела видеть Аню студенткой.

– Доча, – чуть не рыдала Ира, подписывая дневник с вечными двойками, – будь человеком, постарайся. Попадешь в вуз, потом окажешься в какой-нибудь конторе, где тихо, тепло, светло, не то что на стройке.

Но наука не лезла Ане в голову. В конце концов до Ирины дошло: девочка просто не способна ни к какой учебе, не сидеть ей в институтской аудитории. Ох, не зря врачи предостерегают от жизни с наркоманами и алкоголиками, от них рождаются умственно отсталые дети.

Глава 6

Ирина от природы была человеком не пессимистического склада, поэтому она даже в темной ситуации находила светлые пятна. Пусть Аня не выучила таблицу умножения, но она ведь не идиотка. Вон в сотой квартире живет Миша – того в инвалидной коляске, скрюченного, возят. А Анечка на ногах! Ничего, все обойдется.

Ира забрала Аню из школы и пристроила в училище.

– Слушай меня, – приказала она дочери. – Станешь маникюршей. Отличная работа! Все-таки в тепле, не на стройке. Оклад дадут и чаевые польются. А там, глядишь, мужа себе найдешь среди клиентов, сейчас и мужчины ногти чистят.

Если честно, Ира мало надеялась на то, что Анечка придется по душе кому-нибудь из новых русских, заглядывающих в салон. Девочка росла, мягко говоря, некрасивой. Она была слишком высокой (рост Ани зашкалил за метр восемьдесят) и удручающе худой: ни груди, ни попы, сплошные выпирающие кости. В придачу к мослам имелось личико с очень крупным ртом и впалыми щеками. Не радовали и глаза, чуть раскосые, улетающие к вискам. Хороши были лишь зубы – белые, крепкие, ровные, но ведь одними клыками супруга не привлечь. А на встречу со стоматологом, который потеряет голову от любви, увидав столь совершенную челюсть, надежды мало.

Аня покорно получила диплом и села в салоне «Гвоздичка» в компании с миской, пилкой и кусачками. Ира оказалась права: дочь работала в тепле и имела недурной заработок. Мать воспрянула духом – может, к девочке еще придет и личное счастье?

И оно пришло. Но совсем не с той стороны, откуда ожидалось, и было просто счастьем, без прилагательного «личное». Судьба сжалилась над глупой, вроде бы некрасивой дылдой и послала к ней владелицу модельного агентства «М-Рашен» Клару Роден.

В тот знаковый день Аня, как всегда, сидела у маленького столика возле окна. Клиент опаздывал, и маникюрша бездумно разглядывала прохожих – салон помещался на первом этаже большого торгового центра, вокруг которого толпилось множество людей.

Внезапно в поле зрения Ани попала тетка, одетая в идиотский костюм сине-красной расцветки, причем, несмотря на лето, воротник у него был из меха. Баба запихивала на заднее сиденье роскошной иномарки груду пакетов. Вдруг она бросила пластиковые мешки, подняла к глазам правую руку, дернула головой, заперла автомобиль и побежала в салон.

– Может мне у вас кто-нибудь гелевый ноготь приклеить? – завизжала тетка, врываясь в зал.

– У нас гель Аня делает, – спокойно пояснила девушка на рецепшен, – но к ней сейчас клиент придет.

– Ерунда! – взвизгнула бабенка. – Заплачу за один палец как за десять!

Аня, у которой в тот день было замечательное настроение, улыбнулась.

– Садитесь, все равно пока лентяйничаю.

Баба замерла.

– Что же вы? – поторопила ее Аня. – Идите ко мне.

– А ну, встань! – резко велела нежданная клиентка.

Аня заморгала, но потом, вспомнив, что посетитель всегда прав, вылезла из рабочего кресла.

– Супер! – хлопнула в ладоши тетка и приказала: – Пройдись.

– Куда?

– Без разницы. Туда-сюда.

Аня покорно выполнила приказ.

– Класс! – восхитилась странная клиентка. – Руку подними, вторую… Вау! Хочешь славы и денег?

– Сколько? – оторопело спросила Аня.

– Ну, сначала немного, пару тысяч баксов в месяц, – деловито заявила бабенка. – Потом возможны миллионные контракты. Давай знакомиться: я Клара Роден, владелица агентства «М-Рашен». Давно ищу девушку с твоими параметрами, подходишь на все сто, удивительное попадание в точку. Бросай кретинские пилки, поехали со мной, прямо сию секунду.

– Вы не будете делать ноготь? – попыталась разобраться в ситуации Аня.

– Насрать на когти! – рявкнула Клара. – Живо в машину!

В судьбе каждого человека непременно звучит труба судьбы, но не все слышат ее призывный сигнал. А многие, чьи уши уловили-таки мелодию, боятся сделать шаг в сторону, основной массе людей привычно жить в своем устоявшемся болоте, им боязно вылезать из него на берег и продираться сквозь колючий кустарник к неизвестному, пусть даже и светлому, может быть, завтра. Аня оказалась из меньшинства, способного на отчаянные поступки.

Несмотря на вопли администратора: «Аня, опомнись! Если сейчас уйдешь с работы, назад не возьмем!» – маникюрша быстро пошагала к двери. Она, сама не понимая почему, разом поверила Кларе.

С той минуты жизнь Ани разительно переменилась. Все, что до сих пор считалось ее отрицательными сторонами, стало неоспоримыми достоинствами. Высокий рост, полнейшее отсутствие форм, слишком большой рот и диковинные «тигриные» глаза превратили Анечку в звезду агентства. Через месяц Галкину стали буквально рвать на части – глянцевые журналы все разом захотели ее фото. Потом оказалось, что и глупость Ане на пользу. Стоило спросить у нее: «Скажи, ты любишь Моцарта?» – как на личико красавицы наползало выражение такого мучительного раздумья, что фотографы, вздрагивая от восхищения, хватались за аппаратуру.

Еще Аня была вынослива – она могла часами стоять на площадке и не капризничала ни на примерках, ни на репетициях. Странным образом, во время показов на Анечку никогда не налетали приступы ярости, и ее быстро полюбили даже завистливые коллеги-модельки. Ну, может, не полюбили, а просто испытывали к Ане некие добрые чувства. Во всяком случае, никто не засовывал ей в туфли бритвенные лезвия, не насыпал сахарный песок в колготки и не мазал парик изнутри клеем…

Ирина замолчала, потом схватила со стола стакан с водой, осушила его одним глотком и спросила у меня:

– Теперь ясно?

– Нет, – ответила я в недоумении.

– Ну, как тебе не понятно? – изумилась соседка. – Аня не могла убить Лизу! Перед дочерью маячила великолепная карьера, Анечка ждала отъезда в Париж!

– Она любила Антона Макаркина? – спросила я.

– Понятия не имею. Дочка не делилась со мной интимными тайнами.

– Но весь двор знал, что девушка просто вешалась на шею массажисту.

– Нет! – затрясла головой Ира.

– Как это «нет»? – возмутилась я. – И потом, я очень хорошо помню возбужденный вид Ани, когда она влетела в лифт. Аня ехала вверх, явно торопилась к Макаркиным. Что ее так взбесило?

– Нет, нет! – заволновалась Ирина. – Все не так. Антон вправлял Ане спину – у дочки высокий рост, отсюда грыжа позвоночника. Это все!

– Но еще была ситуация, когда она выбежала во двор почти голой и устроила там скандал!

– Верно, Аня ждала Антона на сеанс массажа. Макаркин позвонил нам, сказал, что не успевает к назначенному времени. Аня расстроилась – спина-то болела. А потом подошла к окну, глядь – Антон идет. Ну и обозлилась, выскочила, в чем была, давай орать. Анечка порой бывает несдержанна. Но и Макаркин хорош, обманывал девочку. То приду, то не приду… Я даже сказала ему: «Антон, так непорядочно поступать. Оплатили вам вперед двадцать сеансов, теперь отрабатывайте…»

Массажист начал юлить, говорил, что не предполагал серьезности работы, мол, его нанимали для простого массажа, а у девушки оказалась запущенная грыжа. Подобное лечение дороже стоит!

Но Галкина стояла на своем: подрядился – работай.

В дело вмешалась Лиза. Она пару раз звонила Ане и рявкала:

– Если думаете, что соседям положена скидка, то ошибаетесь!

В конце концов Аня возмутилась и заявила Антону:

– Вы сумму сами назвали и плату вперед потребовали. Мы не спорили, выполнили условия. И что? Очень непорядочно! Значит, так: либо вы начинаете работать с моей спиной, либо я пишу на вас заявление в налоговую инспекцию. Небось в декларации вы свои «левые» заработки не указываете.

Пришлось Антону признать поражение и отправиться к Галкиной. Три раза он честно ставил позвонки на место, но потом избрал новую тактику, сказал Ане:

– Завтра в семнадцать ноль-ноль.

Манекенщица отменила дела и ждала костоправа, а тот ровно в пять позвонил и проблеял:

– Извини, не успеваю, задержался у клиента. В городе пробки, давай в понедельник, время прежнее…

Но и в начале недели Анечка не дождалась врача – тот снова лишь по телефону объявился и перенес сеанс на пятницу. И вот, увидав вруна во дворе, Аня взбесилась. Она вылетела полуголой из подъезда и заорала:

– Ага! Ты обманул меня! Обещал и бросил! Ну, погоди! Я тебя убью! И Лизку тоже! Как ты мог так поступить? Я надеялась, вся извелась от ожидания, просто горю! А ты… К другой шляешься, да? К другой?

Речь шла о массаже. Извелась Анечка не от сексуального желания, а от боли в спине. Фраза «К другой шляешься?» не имела никакого отношения к ревности, Аня упрекала Антона в том, что тот взял себе новую клиентку, не выполнив обязательств по отношению к ней самой. Но присутствующие во дворе бабы поняли ситуацию по-своему…

– А еще, – грустно объясняла Ирина, – Аня пару раз в халате ездила в лифте. Думала Антона дома врасплох застать, лечь у него на диване и заявить: «Не встану, пока спину не поправишь».

– Вот уж глупость, – скривилась я.

– Хорошо тебе ее осуждать! – внезапно обозлилась соседка. – Только Антону много долларов за лечение заплачено было, а хребет дочке просто выкручивало! Но злые языки наших дворовых сплетниц замололи со страшной силой, пошел слух о любовной связи между массажистом и Анечкой.

Тамара тронула меня за рукав:

– Вилка, ты только вспомни, какие про нас глупости рассказывают. Олег – генерал!

Я прикусила нижнюю губу. А ведь верно! Откуда местные сплетницы взяли такую информацию? Куприн практически никогда не надевает форму, он ни с кем не общается во дворе…

– Ну, вы еще не все знаете! – азартно воскликнула Галкина. – Такое несут! Вот Вера Данильченко, местная совесть, чтоб ей под трамвай завтра попасть и обеих ног лишиться, говорит: Виола и Тамара лесбиянки.

– Я замужем, – хором ответили мы с Томуськой.

– О-о-о! А Олег и Семен педики. Вы ловко устроились, якобы нормальные семьи… – тараторила Ирина, похоже, страшно довольная тем, что может передать нам гадкие сплетни.

Я пожала плечами:

– Глупее и не придумать. Есть дети: Никита и Кристина.

– Они из приюта.

Томочка схватилась за голову:

– Чушь! Ну ладно, Крися дочь Сени от первого брака, в ее случае я хоть понимаю, откуда ветер дует. Но Никитка! Я же ходила с животом, сидела во дворе, дышала воздухом, меня все соседи беременной видели…

– Так подушку подсунула, – продолжала Ирина, – чтобы народу глаза замылить. А Никиту усыновили. Неохота вам, лесбиянкам и педикам, в порочных наклонностях признаваться. У Вилки муж генерал, он все и придумал. А то с какой же тогда стати вы все вместе живете?

– Мы просто дружим, – пролепетала Томочка.

– Ха! Да ни одни друзья бок о бок больше недели не продержатся, перелаются. А вы столько лет общее хозяйство ведете, – отрезала Ира.

Я не нашла нужных слов в ответ, у Тамарочки тоже иссякла вербальная активность. А Ира усмехнулась:

– Я-то не верю местным кумушкам. И в отличие от них понимаю: дружба существует на свете. Только о вас по двору плохая слава ползет. Теперь подумайте о нашей ситуации. Данильченко и остальные просто оболгали Аню. Не верите мне, поболтайте с Машей Левкиной, она с дочкой дружит, как вы между собой. Всю правду Маня про Анечку знает. Моя девочка попала в ужасную ситуацию, но она никого не убивала! Знаете, что случилось на самом деле?

– Говори! – велела я. – В подробностях, медленно, постарайся не упустить детали.

Ира снова прижала кулаки к груди, продолжила рассказ…

Сегодня в первой половине дня Ане позвонила Лиза Макаркина и заявила:

– Антон больше к тебе не придет.

– А деньги? – завопила Галкина.

– Вернем, – сухо пообещала Макаркина.

– И когда?

– Приходи ровно в час.

– Сами спускайтесь, – уперлась Аня. – Нашли дуру, стану я за своими бабками носиться.

Макаркина издала смешок.

– Не дури. Антон не должен ничего знать, поэтому поднимайся. Да не опаздывай. А то ненароком Макаркин вернется и наподдаст мне. У него, правда, весь день занят, но он может пообедать заехать.

– Ты желаешь вернуть мне деньги тайком от мужа? – осенило Аню. – Но почему?

– Он считает, что совершенно прав, – хмыкнула Галкина, – дескать, такая кривая спина, очень трудная, кропотливая работа… Но я полагаю: конфликт следует прекратить. Отдам тебе личные сбережения, и забудем проблему, найдешь другого массажиста. Мне не нравятся сплетни, которые ползут по двору.

– Ладно, – повеселела Аня.

– В общем, к часу подходи, – еще раз напомнила Лиза.

Аня глянула на часы: было двенадцать. У девушки с утра болела голова, и она решила почитать. Неожиданно задремала, а когда открыла глаза и глянула на часы, те показывали начало второго.

С воплем: «Блин!» – вылетела из квартиры и вскочила в лифт, где стояла я, желавшая выйти. Поругавшись со мной, девушка доехала до нужного этажа. Очутившись у двери Макаркиных, Аня нашла ее приоткрытой. Она вошла в квартиру и, пару раз крикнув: «Лиза, Лиза!..» – заглянула в спальню.

От увиденного зрелища ноги ее приросли к паркету. Посередине красиво убранной комнаты лежало тело Лизы. То, что жена Антона мертва, Аня отчего-то сообразила сразу. Дальше у нее в памяти провал – она ничего не помнит!

Придя в себя, Аня кинулась к выходу, но тут ее ждало неприятное открытие: дверь оказалась заперта. Сначала Аня повертела ручку, потрясла ее и так и сяк, затем попыталась сконцентрироваться и вспомнить, может, сама захлопнула створку, входя к Макаркиным? Но память отказывалась ей служить. Анечка поискала ключ, его не было ни в замочной скважине, ни на полу.

Окончательно растерявшись, девушка вытащила из кармана мобильный, соединилась с мамой и залопотала:

– Ой, иди сюда, пожалуйста.

– Куда? – не врубилась в ситуацию мирно гладившая белье Ира.

– Да к Макаркиным… – заплакала дочь.

Мать стала одной рукой натягивать пуловер, второй прижимая к уху сотовый, из которого доносился плач Ани. Через пару минут до Иры дошло: случилось нечто экстраординарное, дочь попала в невероятную ситуацию.

Ирина помчалась наверх, к квартире Макаркиных. На лестничной клетке состоялся малоприятный разговор с Данильченко. Когда Верка спряталась в своей квартире, Галкина попыталась открыть дверь, за которой находилась ее дочь. Куда там, железяка даже не дрогнула! Оно и понятно, с такой без ключа нечего и думать справиться.

Во время своих бесполезных попыток бедная Ира слышала по мобильному телефону бесконечный плач Ани, ее путаные, несвязные слова о том, что произошло в квартире Макаркиных. В конце концов Аня перешла на крик:

– Мамусечка, любимая, забери меня отсюда! Мне очень страшно, аж жутко! Ой, муленька, боюсь, боюсь, боюсь…

У Иры заболело сердце.

И тут прибыла милиция. Из соседней квартиры появилась Данильченко с ключом. Ира, увидав Веру, бросилась на нагло улыбавшуюся контролершу с кулаками…

В общем, получилась очень некрасивая сцена, закончившаяся решительным заявлением начальника милицейской бригады:

– Уведите эту психопатку прочь, и пусть скажет спасибо, что подобру-поздорову домой отпустили.

Ире не разрешили поговорить с Аней и не впустили в квартиру Макаркиных.

В стрессовом состоянии, заливаясь слезами, Ира пошла по лестнице вниз. Она брела по ступенькам, не понимая, куда бежать и что делать. И тут ее осенило – муж Виолы Таракановой! Он же генерал, милиционер, пусть прикажет подчиненным отпустить Аню! Ежу понятно, что девочка ни в чем не виновата!

Глава 7

Я молча выслушала Ирину и стала ковырять пальцем клеенку. Галкина протяжно вздохнула.

– Тебе плохо? – подскочила к ней Томочка.

– Голова сильно кружится, – ответила соседка. – Прямо на сторону сносит.

– Давай мы тебя уложим, – засуетилась Томочка.

– Нет, спасибо, – прошептала Ира, – лучше проводите до квартиры.

– Думаю, тебе не следует оставаться одной, – покачала головой Тамара. – Вдруг ночью хуже станет, как врача вызовешь? Правильней будет у нас переночевать.

Ирина через силу улыбнулась и прошептала:

– Если честно, мне ужасно страшно. Только что скажут ваши мужья?

– Олег уехал в командировку, – ответила я, – раньше чем через неделю не явится.

– А Сеня даже не заметит, что у нас гостья, – усмехнулась Томочка. – Он придет ближе к полуночи, а в семь утра уедет на службу.

– Так-таки и не заметит? – с легким недоумением переспросила Ира.

Томуська кивнула:

– Один раз у нас родственник остановился, из провинции. Так Семен сообразил, что в доме лишний человек имеется, лишь в день его отъезда.

– Ничего он не сообразил, – засмеялась я, – вовсе не так дело было. Попросили Сеню: «Будь другом, отвези Николая в аэропорт». А Семен давай интересоваться: «Кого? Куда? Зачем? У нас что, Николай есть? Он кто?»

Тамарочка развела руками.

– Сеня – большой ребенок.

– Олег не лучше, – вздохнула я.

– Все-таки Олежка адекватнее, – с некоторым сомнением возразила Томочка.

– Ну уж нет, – не согласилась я.

– Олег более аккуратный.

– Ой, не смеши!

– Ты несправедлива! – с жаром бросилась защищать Куприна Томуська.

Я прищурилась:

– Вчера вечером Олег приехал из бассейна, помнишь?

– Ну да, – кивнула Тамарочка, – вошел на кухню, сел ужинать, налил майонеза на салат, а ты на него налетела с воплем: «Не смей есть калорийный соус». Ясное дело, Олежка обиделся.

– Да не о том речь! Впрочем, если начал заниматься спортом, желая потерять вес, нечего после тренировки нажираться. Но сейчас я о другом говорю. Когда Олег пришел, я сказала ему: «Отнеси пакет сразу в ванную, иначе мокрые плавки и губка в сумке протухнут».

– Ну и что? – удивилась Томуська. – Олежка, помню, спорить не стал, мирно отправился выполнять указание жены. Раскричался он потом, услыхав про майонез.

Я засмеялась:

– Ты совершенно права, Куприн потопал в ванную. Только я следом пошла и увидела замечательную картину…

– Какую? – неожиданно проявила интерес к разговору Ирина.

– Олег взял пакет и прикрепил его прищепками к веревке. Он не вынул ни плавки, ни губку, просто прицепил пластиковый мешок и, страшно довольный собой, ушел!

Ирина даже не улыбнулась, а Томочка, покусав нижнюю губу, решила, как всегда, оправдать нашего майора:

– Ну, в принципе, ты сама виновата. Дала неправильное указание. Следовало пояснить: «Вытащи мокрое…» И так далее. Пошли, Ирочка, я тебя устрою в гостевой. Может, стоит врача вызвать? Сделает тебе успокаивающий укол…

– Спасибо, пока не надо, – прошептала Галкина.

Потом она с видимым трудом встала, сделала шажок, пошатнулась и сказала:

– Впрочем, у вас снотворного не найдется? В таблетках, я уколов боюсь.

– Зато они более действенные, – сообщила я.

– Все есть, – закивала Томочка, поддерживая Иру за локоть, – сейчас принесу отличное средство, примешь и двенадцать часов проспишь. Главное, не волнуйся. Вилка поможет, она и не в таких случаях разбиралась. Верно, подружка?

Я машинально кивнула.

– Девочки, а давайте чаю выпьем, а? Где-то тут у меня было отличное средство от любой хандры…

Я встала, налила всем чаю, вытащила из буфета коробочку любимого шоколадного печенья, и мы дружно слопали всю пачку. Было очень вкусно… После чего Томуська, обняв Иру, увела ее из кухни. Что-то во всей этой истории казалось мне странным. Но никак не удавалось сообразить, что именно. Хотя…

Зачем Лиза позвала Аню в свою квартиру? Если Макаркина хотела скрыть от мужа факт возврата денег Галкиным, то логичнее было бы ей самой спуститься к соседям. Лиза ведь еще предупредила Аню, что Антон может завернуть домой на обед, и просила ее не опаздывать.

Я бы, например, поостереглась звать к себе Аню в похожем случае. Мало ли что, вдруг муж и правда явится в неурочный час и застанет в квартире неприятную ему гостью? Но Лиза позвонила Ане. Лиза позвонила Ане! Лиза позвонила Ане? Стоп!

Я же была у Лизы, получается, буквально за пару минут до ее убийства. Макаркина весьма охотно рассказывала мне про крем и совершенно не проявляла беспокойства… Ну-ка, вспоминай, Вилка, как обстояло дело!

Перед глазами мигом развернулась картина. Вот нажимаю на звонок, створка распахивается мгновенно, на пороге возникает Лиза. Она безукоризненно накрашена, волосы только что уложены и сбрызнуты лаком, тело облегает красивый спортивный костюм, совершенно новый, белоснежный. Макаркина так всегда ходит дома? При укладке, макияже и вся в белом? Она готовит борщ, не боясь запачкать красивые и явно дорогие курточку и брючки?

Ладно, едем дальше. Открыв дверь, Лиза восклицает:

– Вилка? Зачем пришла?

Немного невоспитанно задавать подобный вопрос соседке, и Макаркина понимает свою оплошность. Она тут же начинает улыбаться и говорит:

– Извини, Вилка, не ждала тебя!

В тот момент я не обратила внимания на эту ее фразу, но сейчас могу задать себе вопрос: а кого же ждала Макаркина? Отчего тщательно навела марафет? Да ни одна женщина не приблизится к плите или стиральной машине при полном параде, никто из нас не начнет пользоваться мясорубкой в белоснежном одеянии. Ладно, пусть Лиза надумала использовать свободное время для отдыха и поэтому влезла в новый костюмчик. Ну, захотелось человеку пофорсить, и все! Но накрашенные губы… Может, конечно, я ошибаюсь, но думаю, многим женщинам, как и мне, очень тяжело ходить со «штукатуркой» на личике, а тем более находиться при «полном параде» дома. Лично я не способна расслабиться с помадой на губах. Внутри включается некий мотор, в мозгу возникает мысль: раз намазалась – следовательно, пора на работу. Какая уж тут расслабуха под пледом… Понимаю, кое-кто из дам может сейчас воскликнуть: «Экая ерунда, я, например, и спать ложусь с тушью на ресницах!»

Что ж, возможно, но я, собственно, не о том. Отчего-то я сейчас пребывала в уверенности: Лиза приготовилась к приходу постороннего человека. Кого она ждала? Явно не меня, она же и не предполагала о моем визите. Так что, марафет был наведен для Ани? Не верю. Макаркина могла быстренько в коридоре сунуть Ане деньги, взять с той расписку и распрощаться с ней. Кстати, Лиза же мне говорила, что очень зла на Аню, ведь она только вчера узнала о том, что девушка пристает к ее мужу. Нет, похоже, Лиза ждала кого-то другого, ситуацию с Аней она, по логике вещей, должна была разрулить походя…

Я схватила со стола бумажную салфетку и принялась методично превращать ее в груду обрывков, что частенько делаю, пребывая в задумчивости.

Итак, как же обстояло дело?

Лиза надумала остановить скандал, вытащила из личной заначки деньги и решила отдать их Ане, дабы та прекратила свару. Мужу Макаркина ничего рассказывать не хотела. То ли берегла нервы Антона, то ли предполагала, что массажист затопает ногами и закричит: «Глупее ничего не придумала? Никаких лавэ шлюхе не давать!»

Собственно, она вообще могла решить отдать деньги девчонке спонтанно, прямо сегодня. А вот насчет остального…

Думаю, Лиза выждала удобный момент, подгадала день, когда муж гарантированно не вернется домой раньше вечера, и договорилась с неким человеком о свидании. Кто он, мне неизвестно. Может, любовник Макаркиной, а может, просто друг. Но встреча должна была произойти втайне от супруга. Почему? Ну, на этот вопрос тоже нет ответа. Впрочем, если у Лизы имелся сердечный приятель, то и спрашивать нечего, ясно без слов. Лиза не посчитала встречу с Аней важным делом, хотела просто сунуть девчонке купюры. Вот по какой причине она не пошла сама к Галкиной – боялась пропустить приход очень важного для нее гостя, для которого накрасилась и разоделась.

И тут на пороге внезапно возникла госпожа Тараканова. Лиза дала мне консультацию по поводу косметики, и я спокойно вернулась к себе. Попила кофе, послонялась по квартире, почистила картошку, оделась и решила смотаться за кремом.

Так, напряжем память. Вот я влезаю в сапожки, беру ключ, поворачиваюсь к двери и, как всегда, вижу часы, специально повешенные возле вешалки… Наша Крися регулярно опаздывает в школу. Девочка очень долго вертится перед зеркалом, надевает и снимает разные шапки, мажет губы помадой, поэтому Томочка и прикрепила к стене циферблат со стрелками. Теперь наша кокетка хоть как-то ориентируется и успевает прибежать на занятия не ко второму, а к середине первого урока.

Я тоже приобрела привычку следить за временем, покидая дом, и сейчас отлично вспомнила, в каком положении находились стрелки в момент моего ухода в торговый центр. Маленькая замерла на единице, большая дошла до цифры «три». Четверть второго. Пару минут мне понадобилось на то, чтобы спуститься вниз и столкнуться с возбужденной сверх меры Аней. Значит, Ира говорила правду: ее дочка торопилась к Лизе.

Но именно в это время и случилось непоправимое. Некий гость убивает хозяйку. За что, почему… – не спрашивайте, не знаю. Потом он, забыв запереть дверь, спешно уходит. И тут появляется запыхавшаяся Аня. Вбегает в спальню, видит труп, кровь… Экзальтированная девица цепенеет, затем приходит в себя… А дальше наступает время бенефиса Веры Данильченко…

Так, так, все верно… Но теперь у меня возникли вопросы к Вере. И я, невзирая на поздний час, кинулась к лифту.

Данильченко открыла дверь и, зевая, сказала:

– О господи! Ну, у меня сегодня весь дом побывал! Чего пришла? Уже рассказывала тебе про случившееся. Нового ничего больше не произошло. Вот только Антон вернулся. Я уж и не в курсе, знал ли он про смерть жены, или его потом огорошили. Когда в глазок смотрела, вроде мужик дверь спокойно открывал, а…

– Скажи, – перебила я Веру, – ты хорошо видела Аню?

– Где? – снова зевнула Данильченко.

– В квартире у Макаркиных, – терпеливо пояснила я.

– Да как тебя сейчас.

– Она стояла близко к порогу?

– Не, у входа в спальню.

Я уставилась на Веру:

– Вроде у Макаркиных апартаменты как у тебя.

– Ага, только зеркальные, – охотно пояснила Данильченко. – У меня кухня слева, у них справа, и комнаты наоборот.

– Но коридор такой же?

– Точно.

– С поворотом?

– Верно.

– И где находилась Аня?

– Там, – ткнула пальцем в сторону входа в большую комнату Вера.

– Сделай одолжение, продемонстрируй ее позу.

– А тебе зачем? – насторожилась Данильченко.

Я кашлянула и начала самозабвенно врать:

– Понимаешь, устроилась работать на телевидение, в программу «Дело». Мы снимаем фильмы о реальных происшествиях, просим свидетелей объяснить зрителям, как развивались события. Вот, хочу посмотреть, как ты будешь выглядеть в кадре. Ясно?

– Ой! – взвизгнула Вера. – Меня покажут по телику?

– Непременно, если сейчас попытаешься реконструировать произошедшее с максимальной точностью. Где ты стояла? Давай разыграем сцену в твоей квартире, порепетируем. Я – Вера Данильченко, ты – Аня…

Сплетница суетливо забегала по прихожей.

– Ага, значит, так… Я здесь… Нет, чуть левее… Во, теперь точно.

– Дверь была нараспашку?

– Не.

– А как?

– Только приотворена.

– Щель большая? Такая?

– Ну… Ага, так правильно.

– Теперь займи место Ани.

Вера исчезла из поля моего зрения.

– Не вижу тебя! – крикнула я.

– А вот так?

– Только спина и попа, головы нет.

– Верно. В точку.

– Погоди, если ты увидела лишь зад и лопатки, то отчего решила, что перед тобой Аня?

– По джинсам. Такие лишь у нее есть – розовые, на жопе надпись красными буквами «Йес». Совсем совесть молодежь потеряла, в таком дерьме ходит, тьфу!

Я вновь распахнула дверь, вошла в прихожую и сердито сказала:

– Вера, ты рассказывала про туфли в крови, измазанные руки и жуткий револьвер!

– Ага, так оно и было!

– Но сейчас выходит, что видела лишь зад и часть спины.

– Так она повернулась, – затараторила Вера. – Я тогда прямо креститься начала и все отличненько разглядела. Мыски в крови, руки Анька вытянула, пальцы растопырила…

– Стоп, покажи.

Данильченко с готовностью ринулась вперед, я снова шмыгнула на лестничную клетку, притворила дверь и приникла глазом к щели. Сначала перед взором замаячила объемистая задница Веры, обтянутая байковым халатом, потом Данильченко возникла целиком, уже лицом ко мне. Очевидно, работница метрополитена очень хотела стать звездой экрана, потому что она старалась изо всех сил, изображая Аню.

Толстые ноги Вера поставила на уровне плеч, руки вытянула вперед, пальцы раскрыла веером, глаза выпучила, рот разинула… Выглядела она удручающе противно, Данильченко явно не обладала актерскими способностями, изобразить состояние другого человека она не могла. Но меня сейчас не волновали таланты Данильченко.

– Слушай, Вера, – заинтересовалась я, снова входя в прихожую, – Аня так и стояла?

– Угу, – кивнула баба.

– Именно в этой позе?

Данильченко переместилась на сантиметр влево.

– Ну, может, чуть сюда ближе.

– А руки?

– Чего с ними? – пожала плечами свидетельница.

– Она их впереди держала?

– Ясное дело.

– Ничего не путаешь?

– У меня память золотая, – начала злиться Вера, – склерозом не страдаю. Каждый день тренируюсь, кроссворды разгадываю. Можешь назвать столицу Ливана?

– Нет, – призналась я.

– Во! А мне запросто. Бейрут.

– Я счастлива, что ты замечательно знаешь географию, но давай вернемся к нашим баранам.

– К кому? – удивилась незнакомая с классической литературой Данильченко. – Ты, Вилка, часом, не напилась? Где тут бараны? И вообще, на кого намекаешь?

– Я о твоих руках.

– Чего не нравится? Они чистые.

– Аня развела пальцы?

– Ну.

– Веером?

– Да.

– Все?

– Что «все»?

– Пальцы. Или только на одной руке?

Данильченко вздохнула:

– Тяжело с тобой, непонятливая, словно тумба! Который раз говорю: вот так она замерла, во! На роже жуть, глаза из орбит вывалились, пасть разинула, ручонки вытянула. И как только тебя на телик взяли? Вот к нам, в метро, контролером ни за что бы не поставили. Пока ты скумекаешь, что к чему, «заяц» через турникет перескочит.

Я моргнула и очень спокойно спросила у раскипятившейся контролерши:

– А теперь объясни мне, дуре, каким образом можно удержать пистолет в растопыренных пальцах?

Глава 8

Будучи женой сотрудника МВД, я очень хорошо знаю, какую проблему порой представляют показания свидетелей. Пословицу «Врет словно очевидец» явно придумали древнерусские менты. Хорошо помню, как прошлой зимой, придя домой, Олег со стоном сообщил:

– Боже! Ну, почему народ у нас такой странный? Все видели машину и то, что у нее имелось четыре колеса. Но на этом одинаковые показания заканчиваются. Далее следует бред. На дороге стояли: «Жигули», «Волга», «Мерседес», «Вольво», «Ока». Цвет: черный, серый, синий, зеленый, голубой. Но не красный, хотя, вероятно, оранжевый или желтый. А номер… О, его все запомнили совершенно точно! «А 830 ЕМ 97», «О 786 ГА 64», «И 110 УИ 32», «А 000 АА 411-68-86»…

– По-моему, последний набор цифр больше похож на номер телефона, – захихикала я, прервав жалобы мужа.

Олег хмыкнул:

– Это еще ничего! Один кадр знаешь какие цифры назвал?

– Ну? – насторожилась я.

– Ноль два.

– А дальше?

– Ничего! – хлопнул ладонью по столу Олег. – Ноль два, и точка. Автомобиль, который сбил человека, имел, по мнению того свидетеля, именно такой опознавательный знак. Было бы смешно, если бы не так печально. Еще хорошо, что точно известно: погиб мужчина. А то одна свидетельница уже заявила: «Отлично видела, как несчастная женщина в ярко-розовом платье катилась по дороге. Этот подонок на нее специально наехал!»

– Какое платье! – подскочила тогда я. – На дворе декабрь!

Куприн потряс головой:

– Вот именно! Мы вели за погибшим наружное наблюдение, он был в разработке, и тут бац – ДТП. Да еще в тот момент, когда новенький сотрудник, приставленный «хвостом», отвлекся. Он, конечно, получит по шее, но только из-за его оплошности получилось, что самого момента наезда никто из наших не видел. Приходится опрашивать свидетелей. Я отлично в курсе – сбит парень двадцати восьми лет, одетый в темно-синее пальто и вязаную шапку. Но эта дура стоит на своем! Она, понимаете ли, точно приметила: девушка в платье, как у Барби. Другой дурак талдычит: «Номер «ноль два». Стопудово, парни, я летчик, у меня глаз как у орла…»

Поэтому сейчас я совершенно не удивилась возгласу Веры:

– Вилка! Пистолет был!

– Но как она его держала?

– В пальцах.

– Растопыренных веером?

– Ну да, – уже не с такой уверенностью заявила Данильченко. – Но я его точно видела. У меня глаз как…

– …у орла, – мирно докончила я начатую непутевой свидетельницей фразу. – Знаешь, у орлов, как у людей, наверняка случается какая-нибудь глаукома, вкупе с косоглазием и астигматизмом.

Данильченко заморгала, кашлянула, потом уверенно заявила:

– Где кровь, там и револьвер!

– Ага, уже револьвер. А может, нож? – прищурилась я. – Или бритва? В конце концов, и гвоздь подойдет или пила. Впрочем, открывалкой для консервов тоже можно человека здорово поранить. Отчего тебе на ум пистолет пришел? Да и был ли он в руках у Ани?

– Был, – непоколебимо заявила Вера.

– Послушай, – попыталась я вразумить очумелую бабу, – от твоих показаний зависит судьба человека, в подобных случаях следует очень внимательно относиться к своим словам. Сконцентрируйся и пораскинь мозгами.

Данильченко отставила в сторону правую ногу, выпятила нижнюю губу, потом втянула ее назад и с чувством гаркнула:

– Это Анька, что ли, человек? Да всем известно, кто она такая! Сто раз орала во дворе: «Пристрелю Лизку!»

– И кто это слышал?

– Соседи!

– Какие?

– Ну… все! Вообще! Кругом! Понятно, что пистолет она и держала.

– Ясно, – вздохнула я. – Спасибо тебе, Вера, очень хорошие свидетельские показания, четкие, прямые.

– А когда ко мне с камерой приедут? – заволновалась Данильченко.

– Скоро.

– Ты предупреди заранее, – занервничала контролерша, – сбегаю в парикмахерскую.

– Непременно, – кивнула я и ушла домой.

Утром я проспала до одиннадцати часов, встала с больной головой, дошла до ванной, глянула в зеркало и испуганно ойкнула. Парадоксальным образом цвет моей кожи снова стал темнее. Хотя, может, я просто испачкалась? Ага, во сне! В собственной кровати! О чистую наволочку!

– Ой, прости, – послышалось за спиной.

Я обернулась, на пороге ванной маячила Ира.

– Извини, пожалуйста, – тихо сказала она. – Тамара, похоже, ушла, а я не могу с вашим замком справиться. Крутила, крутила – никак не отпирается.

– Пошли, – направилась я в прихожую. – У нас там ничего особенного, просто надо еще задвижку отодвинуть.

– Извини, не знала.

– Ерунда, – махнула я рукой. – Слушай, ты вчера говорила: у Ани имеется лучшая подруга…

– Да, – тихо сказала Ирина, – Маша Левкина.

– Можешь дать ее координаты?

– Конечно, – кивнула Галкина и вытащила из кармана сотовый. – Тебе какой номер, домашний или мобильный?

– Диктуй все.

Ирина назвала нужные цифры, потом взялась за ручку двери.

– Спасибо тебе.

– Пока не за что. Если сумею выручить Аню из беды, тогда и поблагодаришь.

– Ты веришь, что моя девочка невиновна! – заликовала Ира.

– Давай не будем торопить события, – обтекаемо ответила я.

– Все равно спасибо. Вы с Тамарой меня спать в собственном доме уложили, – вздохнула Ирина, – не всякий на подобный поступок способен. Я у вас уснула, словно младенец, отдохнула и в себя пришла. Кстати, Вилка, сколько ты с клиентов берешь?

– Я помогаю людям бесплатно.

Галкина помрачнела.

– Без денег хорошо не выйдет. Эх, похоже, зря я на твою помощь надеюсь!

Я решила оставить ее последнее замечание без внимания, молча распахнула дверь и ласково сказала:

– Не волнуйся, если сначала очень плохо, то обычно потом бывает хорошо – сто раз проверено.

Ирина безнадежно махнула рукой и ушла. Я вернулась в свою комнату и стала названивать Маше Левкиной. Сначала набрала номер ее домашнего телефона.

«Сейчас не могу ответить на ваш звонок, оставьте сообщение после звукового сигнала», – прочирикало из трубки.

Я предприняла новую попытку, но мобильный равнодушно сообщил:

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Я вновь стала нажимать на кнопки, теперь набрав рабочий номер.

– Фирма «Армс», – звонко сообщил девичий голос. – Чем могу помочь?

– Позовите Марию Левкину.

– Минуточку.

«Ту-ту-ту», – гудело в трубке.

– Алло, отдел сбыта. Чем могу помочь?

– Позовите Марию Левкину.

– Минуточку. Простите, вас соединили не с тем номером.

Ту-ту-ту.

– Бухгалтерия. Слушаю вас.

– Позовите Марию Левкину, – терпеливо повторила я.

– Ой! На рецепшен перепутали. Сейчас, погодите.

Ту-ту-ту.

– Фирма «Армс». Чем могу помочь?

– Мне нужна Мария Левкина.

– Минуточку.

Ту-ту-ту.

– Отдел сбыта. Чем могу помочь?

– Левкину позовите.

– Секунду.

Ту-ту-ту.

– Бухгалтерия. Вам кого?

– Левкину, – заорала я, – Машу!

– Марию?

– Да.

– Левкину?

– Верно.

– Айн момент.

Ту-ту-ту.

– Фирма «Армс». Чем могу помочь?

– Вы издеваетесь? – завопила я. – Уже в третий раз прошу соединить меня с Марией Левкиной.

– Зачем же так кричать? – обиженно прочирикал девичий голосок. – Я вас состыковала с отделом сбыта, Левкина там числится.

– Но там меня переключали на бухгалтерию, а финансисты отправляли снова к вам.

– Погодите, – велела девушка и вдруг придушенно зашептала: – Так вам Левкину?

– Да!

– Марию?

– Да!!

– Левкину?

– Да!!! Ну неужели не понятно? – растеряла я остатки самообладания вкупе с вежливостью. – Мне нужна Левкина! Мария! Хоть сто раз переспросите, она не превратится в Наташу Иванову!

– Секундочку!

Ту-ту-ту.

– Иванова Наталья. Чем могу помочь?

У меня потемнело в глазах. Право, это было уже слишком. Секретарша, похоже, клиническая идиотка. Или у нее хронический отит, который привел к ранней глухоте. Я же ясно требовала Марию Левкину, про Наталью Иванову ляпнула от злости.

– Так что у вас за проблема? – ласково переспросила Иванова.

– Извините, – стараясь держаться спокойно, ответила я, – у вас в приемной странная особа сидит. Я спрашивала Марию Левкину, а она соединила с вами.

– А зачем вы ищете Машу? – вдруг совершенно человеческим, а не казенно-вежливым голосом спросила Наташа. – Представьтесь, пожалуйста.

– Виола Тараканова, – быстро назвалась я, – хотела поговорить с Левкиной по личному вопросу.

– Вы не оптовик?

– Нет, нет! Извините, даже не знаю, чем торгуете. Не хочу вас обидеть, но впервые слышу название «Армс».

– Мы занимаемся газетами, журналами и частично книгами, – вежливо пояснила Наташа.

Во мне неожиданно проснулось любопытство.

– Скажите, а детективы Арины Виоловой в ассортименте имеются?

– Только что говорили, будто хотели поболтать с Левкиной по личному вопросу, а теперь интересуетесь нашим ассортиментом, – попыталась поймать меня на лжи Наташа.

– Просто так спросила. Арина Виолова – это я.

– Вы? Но назвались Виолой Таракановой.

– Виолова – псевдоним, а Маша мне нужна, чтобы помочь Ане Галкиной. Вы скажите Марии, что Аня попала в крайне неприятную ситуацию. Ее арестовали по подозрению в убийстве.

Раздался тихий вскрик, потом Наташа зашептала в трубку:

– В шестнадцать ноль-ноль. Записывайте адрес… Знаете эту улицу? Дом восемнадцать, квартира семь. Ясно?

– Поняла! – обрадованно воскликнула я. – Вы не имеете права занимать служебный телефон для личных разговоров!

– Именно так, – громко ответила Наталья, – все личное после окончания рабочего дня.

Очень довольная тем, что хоть заочно сумела договориться с Левкиной о встрече, я вернулась в ванную, глянула на себя в зеркало.

– Мама! – невольно вырвалось у меня.

Теперь коричневый тон кожи на лице где-то потемнел, а где-то посветлел. Я стала похожа на собаку породы далматин. Правда, милое животное с бело-черной шерстью вызывает у прохожих приступ умиления и желание погладить псинку, а от меня все станут шарахаться в разные стороны. Нужно срочно принимать меры. Какие?

Я быстренько оделась и кинулась к машине. На четыре у меня назначена встреча, а до нее следует что-то сделать с лицом. Притормозив у тротуара, огляделась по сторонам, увидела вывеску «Торговый центр «Золушка» и схватила сумочку. Вот и отлично, в здании просто обязан быть магазин косметики, подберу средство, осветляющее кожу.

Как назло, в небольшом зальчике оказалось много народу. Сначала я самостоятельно пыталась разобраться во множестве банок, но быстро поняла тщетность подобных действий. «Питательная лифтинговая маска с ретинолом», «Дневной крем с гиалуроновой кислотой», «Сыворотка с провитаминами»… Нет, я существо из пещерной эпохи. До сих пор пользовалась самыми простыми, отлично известными всем бывшим советским женщинам кремами. Они, конечно, упакованы в малопривлекательные тюбики, а не во флакончик с дозатором или переливающуюся всеми цветами радуги баночку и пахнут чем-то не слишком ароматным, но стоят копейки и не содержат никаких тайн. А тут ретинол, гиалуроновая кислота, провитамины… Что это за звери? Нет, срочно нужна консультация профессионала.

Встав на цыпочки, я осмотрела помещение и увидела, что одна из продавщиц, девушка, одетая, как и все служащие, в голубую кофточку, в одиночестве разглядывает стеллаж с разноцветными бутылочками. Быстрым шагом я приблизилась к девице и попросила:

– Покажите, пожалуйста, средства, отбеливающие кожу.

– Сама гляди! – не поворачивая головы, гавкнула торговка.

От подобного хамства я обомлела, потом откашлялась, открыла рот, чтобы высказать продавщице свое мнение о ее работе, но тут девчонка сердито продолжила:

– Кругом одни идиотки! Уж третья подходит! Я че, так похожа на дуру, которая торгует этим дерьмом?

В ту же секунду я поняла свою ошибку. На разозленной до предела девушке была не голубая форма продавщиц, а такая же по цвету курточка из плащовки.

– Простите, – воскликнула я, – не хотела обидеть!

– Ладно уж, – буркнула девушка, по-прежнему не отрывая взора от шеренги лаков, – просто в другой раз глаза разуй.

Внезапно мне стало обидно за тех, кто стоит за прилавком.

– На мой взгляд, ничего ужасного не произошло. В продавщицы в основном берут молодых и симпатичных девушек. Спутай кто меня с сотрудницей магазина, сочла бы это за комплимент.

– Ну, блин, ваще! – воскликнула покупательница и подняла глаза.

Она явно собиралась перейти на крик, но неожиданно замолчала, а потом вполне нормальным тоном спросила:

– А что это у тебя с мордой? Вид жуткий.

– Ерунда какая-то, – пожала я плечами, – вот, решила отбеливающий крем приобрести.

– Э… э… э… и давно пятна пошли?

– Со вчерашнего вечера, – охотно пояснила я, – попробовала…

Но девица не дала мне довершить рассказ о маске.

– На ужин что ела? – нервно спросила она.

– Индюшатину, – удивленно ответила я. – А почему вы интересуетесь?

– Мама, – завопила вдруг покупательница, – мама!

Я было решила, что она по непонятной причине пришла в ужас. Многие из нас, оказавшись в нестандартной или опасной ситуации, машинально вспоминают родительницу. Но оказалось, что девица кличет вполне конкретную мамочку – от витрины с пудрой к нам поспешила тучная тетка, облаченная в пальто экстремально зеленой расцветки.

– Что случилось, Аллочка? – тревожно спросила она.

Дочурка ткнула в меня пальцем:

– Во, гляди! Видишь пятна?

Родительница бесцеремонно окинула взглядом мое лицо.

– Ну?

– Она вчера котлеты ела из птицы, а потом пошла пятнами.

– И чего? – не поняла ситуацию матушка.

Я же, вместо того чтобы обозлиться на хамок, терпеливо поджидала, пока Аллочка растолкует непонятливой мамаше суть, наивно полагая, что девушка, решив мне помочь, позвала маму как даму, компетентную в вопросах косметологии. Сейчас матрона просветлеет лицом и скажет: «Ну, конечно, дорогая, все ясно. Идите сюда, видите вон ту баночку? Надежное и недорогое средство, сама им пользуюсь, берите спокойно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/darya-doncova/bilet-na-kover-vertolet

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити